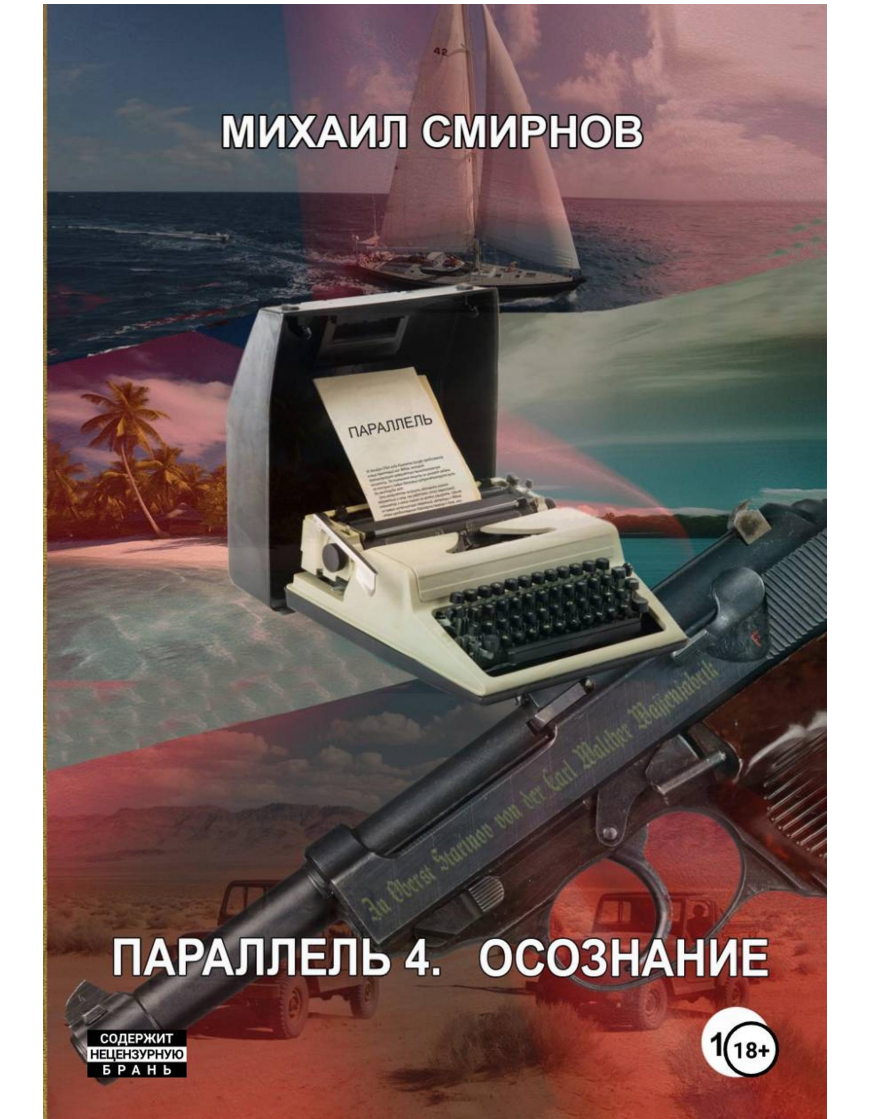

МИХАИЛ СМІРНОВ

ПАРАЛЛЕЛЬ 4. ОСОЗНАНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

1 (18+)

Михаил Смирнов

Параллель 4. Осознание

<https://litres.ru/74445153>

SelfPub; 2026

Аннотация

Время просыпается как песок сквозь пальцы, но любовь остается любовью во все времена и во всех измерениях, а настоящая дружба, проверенная огнем и кровью, только крепнет как клинок после закалки.

Параллель, Крым, 1950 год. Старинов и Полев по прежнему в деле, мир накануне ядерной войны, но еще есть шансы избежать ее.

Содержание

Глава 1 Verteidigungsrechner[1].	4
Глава 2 Вынужденная изоляция.	47
Глава 3 "Мне нравится тёмное пиво".	75
Глава 4 Остров.	90
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Михаил Смирнов

Параллель 4. Осознание

Глава 1 Verteidigungsrechner¹.

Благодарю Сергея Михайловича за помощь и советы при написании книги, телефонные обсуждения и споры, помогавшие мне видеть написанное как бы со стороны. Спасибо Николаю Андреенкову, Эдуарду, Ирине, Алле, Елене и многим хорошим людям, с нетерпением ждавшим новый материал.

Я открыл глаза. Голова немного побаливала. Какой-то медицинский блок, примерно пять на четыре метра. Неподалеку от кровати стоит штатив с капельницей, на единственном окне - жалюзи. Поднял правую руку и нащупал бинт, опоясывающий голову кругом. А вот левую руку поднять не смог - она была прикована наручником к кровати. Однако... Запястье под наручником обернуто полоской мягкой кожи. Гуманисты хреновы! А кто они такие? Неизвестно. И где я - тоже неизвестно.

Дверь открылась, и внутрь шагнул мужчина в старомодной двубортной тройке песочного цвета. Чуть старше сорока, выбритый наголо череп, небольшая бородка с усами и

¹ Оборонный калькулятор (нем.)

круглые очки в черной оправе. Он улыбнулся и шагнул к кровати.

- Добрый вечер, герр оберст! Я рад, что вы пришли в сознание. Поговорим?

"Какой, нахрен, оберст, я же майор! И почему я понимаю немецкий?"

Лысый придвинул круглый стул вплотную к кровати и участливо спросил:

- Как вы себя чувствуете, Анатолий Михайлович?

"Он знает, как меня зовут..."

- Неплохо. Только голова побаливает.

"Оказывается, я не только понимаю по-немецки, но и говорить могу. Ну дела!"

Он покивал головой.

- После вашей травмы это нормально. Тошноты нет?

Я отрицательно покачал головой.

- Нет. Знаете, господин...

Я вопросительно посмотрел на него.

- Крюгер, - он слегка наклонил голову, - Вилли Крюгер. Полковник абвера, ваш коллега, так сказать.

"Абвер?! Бог ты мой, куда меня занесло?"

- Господин Крюгер - осторожно начал я, - какой сейчас год? Где я? И почему на моей левой руке это изящное изделие? - я позвякал наручником.

- Вы в самом деле не помните, какой сейчас год? - удивился Крюгер.

- Увы. Я в самом деле не помню. И не помню, как оказался здесь.

Он усмехнулся.

- Анатолий Михайлович, - мягко начал Вилли Крюгер, - если вы решили симулировать амнезию, это не лучший выход, поверьте. В последнее время медицина Рейха уверенно занимает лидирующее положение в мире, и ваши попытки потянуть время ни к чему не приведут. Но...

Он улыбнулся.

- Давайте я подыграю вам немного, и посмотрим, что из этого выйдет. Итак, сейчас 1950 год, 23 июня, восемь часов вечера, вы находитесь в германском военном госпитале после того, как вас откинуло взрывной волной прямо на штабель чугунных отливок на пирсе в Латакии. Вы ударились головой и почти сутки были без сознания. Вы, Анатолий Михайлович, руководили подрывом немецкого судна "Эзель". Но ваши диверсанты, местные арабы, не рассчитали мощность заряда, вследствие чего сдетонировали баллоны с жидким азотом, а затем их самих разнесло на куски. Вам повезло, вы остались живы. Судно погибло вместе с объектом, который вы хотели уничтожить. В кармане вашего пиджака мы нашли документы на имя представителя американской торговой фирмы "Ториус" Джеймса Уотерса. Естественно, фальшивые. Кроме вас выжил единственный диверсант, который на допросе показал, что именно вы готовили подрыв судна. Поэтому вы пристегнуты наручником.

Пока были без сознания, из Берлина пришла информация: полковник контрразведывательного Управления Крымской республики, Старинов Анатолий Михайлович.

"Вот это я влип! И главное, действительно ничего не помню! Крымская республика, контрразведывательное управление, полковник, 1950 год. Я что, в какой-то другой Параллели?! Но придется выкручиваться. В амнезию, гад очкастый, ни хрена не поверит! Значит надо тянуть время..."

Дверь опять открылась, в бокс вошел высокий немец в светло-коричневом мундире с петлицами оберштурмбанфюрера СА. Левый глаз закрывала черная повязка.

- Ну, как наш русский друг?

Крюгер развел руками.

- Пока молчит. Упирает на потерю памяти.

Одноглазый усмехнулся: - Это поправимо.

И вышел.

Абверовец повернулся на стуле.

- Хотите что-то сказать, Анатолий Михайлович?

Я вздохнул.

- Я действительно ничего не помню, герр Крюгер...

Немец побарабанил пальцами по столу.

- Очень жаль, Анатолий Михайлович.

Он наклонился и заговорил, глядя мне в глаза:

- Человек, который сюда заходил, из гестапо. Оберштурмбанфюрер Айсман.

- Курт Айсман? - машинально спросил я.

- Да. Видите, память вас не подводит.

- Это я помню. Наш отдел осведомлен о сотрудниках 4-го Управления. Но событий последних недель я не помню.

Крюгер встал и подошел к окну. Повернулся ко мне.

- Рейх и Крымская республика не враги. Почему ваше руководство приказало взорвать "Эзель"? Или это просьба СССР? Ну говорите, полковник, говорите! Поймите, военная разведка не гестапо, мы не применяем пытки. Если вы не согласитесь сотрудничать с абвером, то вами займется Айсман. И неважно, есть у вас амнезия или нет. Сначала вас просто будут бить. Потом применяют пытки. И если они не дадут эффекта - а мне кажется почему-то, что нет - вам вены загонят сыворотку правды. Слышали про такую?

- Амитал натрия с кофеином.

Полковник кивнул.

- Да. И будут вливать до тех пор, пока вы не расскажете все. А потом от избытка препарата мозг просто сгорит, и вы превратитесь в овощ. Вам перережут горло или просто выстрелят в голову, затем сбросят труп в море. Поэтому прошу вас, полковник, соглашайтесь на сотрудничество.

Я помолчал.

- Господин Крюгер, мне нужно все обдумать... Дадите время до утра?

Вилли Крюгер задумчиво покивал головой.

- Хорошо, Анатолий Михайлович. Если завтра в 9 утра я не получу от вас показаний, отдам Айсману.

- Покурить оставьте!

Полковник положил на одеяло шахматную пачку "Каго" и зажигалку.

- Не вздумайте устроить пожар, только сами обгорите. За дверью двое моих людей.

И вышел. А я стал думать...

Хреновейшая ситуация. Ну, допустим, утром начну тянуть резину, недомолвки, полупризнания и прочая мутовень, так он, гад абверовский, расколется меня через десять минут! Я попытался дотянуться до капельницы, потом до столиков. Бесполезно. Пошарил под матрасом, ничего подходящего, чем раскрыть наручник не нашел. Паршиво. Потом опять лег и закурил. Думай, Старый, думай! Но ничего толкового в голову не приходило.

За дверью негромко переговаривались охранники, из открытого окна тянуло вечерней прохладой. В коридоре слышались шаги, шли двое. В сапогах, подковки лязгали по плиткам пола.

- Прошу прощения, господин штандартенфюрер, сюда нельзя! - слышался голос, это охранник.

- Чтооо?! - рявкнул знакомый голос. "Винни!" - я счастливо улыбнулся.

- У нас приказ...

- А у меня приказ допросить арестованного, распоряжение группенфюрера Мюллера!

"Да это прямо "Семнадцать мгновений весны" какое-то!"

- подумал я.

- Осмелюсь попросить вас, господин штандартенфюрер, показать приказ! - это уже второй охранник.

- Штурмфюрер, покажите этим болванам приказ!

Два удара, легкий стон, и в помещение вошел Валька с каким-то молодым парнем. Они быстро затащили охранников, связали их и заткнули рты. Потом мой друг обернулся.

- Так, Старый, хорош курить, сматываться надо из этого гадюшника!

Полев быстро отстегнул наручник, потом рывком поднял меня с кровати.

- Лёша, давай вытаскивай нас. Сначала отца, потом меня!

Я ошалело посмотрел на парня. "Отца?!" Тот крепко взял меня за руку, и мы куда-то провалились! Синие вспышки, звон, я испугался и попытался вырвать руку, но парень держал крепко. Через секунду мы оказались на пустынном ночном берегу.

- Пап, ну чего ты запаниковал? Я же всегда говорил, руку нельзя отпускать!

Потом он исчез! Вот так стоял рядом, и нет его! Пока я изумлённо тряс головой, из ничего возникли Полев и тот, которого он называл Лёшей.

Винни вынул из кармана кителя СА фонарик, передвинул целлулоидный фильтр и три раза мигнул синим светом в сторону моря. Послышался негромкий стук мотора, и надувная лодка примяла носом песок пляжа. Мы быстро прыгнули на

банки, моторка отчалила. Через пятнадцать минут в темном море засветились топовые огни яхты, мы поднялись на борт.

В каюте все переоделись, я опустился на койку. Винни шутливо ткнул в бок:

- Ну, Старый, не сиди истуканом, обними сына!

Я испуганно поднял глаза.

- Валь, я ничего не помню. Со слов Крюгера, абверовца, я ударился головой, наступила амнезия.

Полев еще улыбался, но глаза стали тревожными.

- Толя, что ты помнишь последнее?

- Как ты из "Шмеля" сжег катер с двойником Стасова.

- А как в тебя стрелял Бобёр, как ты умер и воскрес в другой Параллели, в Белостоке?

Я помотал головой.

- Не помню.

- Так... Лену помнишь?

- Конечно!

- Вы теперь женаты, и у вас сын, Алексей - Винни мотнул головой в сторону парня.

Я потер лицо, вздохнул.

- Рассказывай.

И Полев начал говорить...

Я был потрясен! Когда Винни закончил, я поднял голову и глухо спросил:

- Сколько лет я забыл?

- Двадцать, Старый...

Двадцать лет жизни! Чёрт бы побрал этот взрыв!

Я встал и подошел к сыну.

- Лёш... Прости, я не помню. Но вспомню, обещаю тебе, обязательно вспомню!

Сын поднял голову, в глазах была боль.

- Постарайся, папа!

И обнял меня.

Через трое суток яхта "Коктебель" пришла в порт Севастополя. Нас встречали. Лену и Наташу я узнал сразу, рядом с Наткой стояла красивая девушка, похожая на нее. Дочь Полевых Дарья, как я догадался. Лена обняла меня.

- Ох, Старый, ну и переживали мы все! Ну, слава Богу, все закончилось благополучно!

- Нет, Лен, не благополучно...

И я рассказал про свою амнезию. Потом мы ехали домой, в Гурзуф. Слева от меня сидела Лена, справа Лёшик, как она его называла. Лена пыталась меня разговорить, вспоминала эпизоды нашей прошлой жизни, о которой я не помнил ничего. А она все говорила, в надежде, что я хоть что-нибудь вспомню. Я не помнил. Когда вошли в дом, она преувеличенно бодрым тоном сказала:

- Ну, вот мы и дома, Толя! Тебе надо выспаться, ложись, отдыхай. А потом... она слегка запнулась - а потом будет видно.

Прошло две недели. Полев возил меня в клинику Вернадского в Севастополе, меня даже пытались гипнотизировать, Алексей таскал меня по Параллелям, но ничего не помогало. Генерал Старосельский, с которым мы имели беседу, отправил меня в отпуск по состоянию здоровья. Со мной общались как с инвалидом, и это раздражало. Я злился на себя, на Лену, на Вальку, но старался не показывать как мне тошно. Тяжелее всего было с сыном. Я абсолютно не знал, о чем с ним говорить. После десяти минут разговора наступало тяжкое молчание, и я уходил. Постепенно каждый вечер я стал подолгу бродить по набережной, спускался к морю, сидел на песке и бездумно пропускал сквозь пальцы прозрачную воду. Чёртова память никак не хотела возвращаться! Я старался вспомнить, измученный мозг ночью транслировал какие-то непонятные сны, где я бежал вдоль берега, в темноте, и не мог остановиться, потому что остановка означала смерть. Утром просыпался мрачный, прятал глаза от домашних, на скорую руку завтракал и опять шел к морю. Часто приходил Винни, мы просто сидели вместе и молчали. Иногда выпивали. Однажды вечером, когда я вернулся с очередной прогулки, Валька обнял меня за плечи.

- Слушай, Старый, а давно мы на рыбалке не были! Значит так, завтра утром берем лодку и за Адалары, на наше место! Кефальку половим. Согласен?

- Конечно!

- Ну, все, в шесть ноль-ноль, господин полковник, будьте

любезны быть на пирсе!

Солнце только что взошло, моторка покачивалась на воде, разноцветные поплавки лениво колыхались в море. Стоял густой туман, ватную тишину нарушал лишь плеск волн о борта лодки да наш негромкий разговор.

- О чем задумался, Старый? - спросил Винни, прикуривая сигарету.

Я улыбнулся.

- Да так, ни о чем. Тихо тут, спокойно. Меня даже отпустило слегка.

- Это хорошо.

- Знаешь, Валь, туман этот воспоминания наваял...

Полев остро взглянул на меня.

- Да нет, к сожалению, не о прошлом в Параллели, а о прошлом на Земле. Помнишь фильм "Профессионал"?

Винни кивнул.

- С Бельмондо?

- Ага. Там в конце медленная музыка звучит. А у меня был компакт, на котором на фоне этой музыки Мариз по-французски проговаривает текст:

Amour, amour, amour, mal de toi

J'ai envie de t'écrire' et je n'écrirai pas

*Cette nuit, on dirait que le printemps est parti
et qu'il ne reviendra pas.*

- Красиво, вот как сейчас!

Винни кивнул, выбросил окурок за борт.

- Все будет хорошо, Старый. Прости.

И выстрелил мне в сердце.

За день до этого. Гурзуф, 8 часов вечера, полковник Полев.

Когда Толька ушел к морю, мы сидели за столом на кухне виллы "Селим" и разговаривали. Конечно, о сложившейся ситуации. За эти две недели мой друг сильно изменился. Стал мрачным, замкнутым. Обычно всегда подкалывавший меня и хохотавший над ответными шутками, теперь он только вежливо улыбался. И старался избегать нас всех.

- Ему тяжело, Валь. И нам с Лёшкой тоже. Он все больше замыкается в себе.

Лена вздохнула. - Это как порочный круг: чем больше он старается вспомнить, тем больше злится. В первую очередь на себя. А когда злится, опять пытается вспомнить, и опять не получается... Что делать, Валь?

Я покачал головой.

- Ждать, Лена. Только ждать.

- А если ждать бесполезно? Он сам мучается, и мы с Лёшей вместе с ним. Охх... - Лена протяжно вздохнула, Алексей обнял ее за плечи.

А что тут скажешь? Ничего, к сожалению. Звякнул колокольчик у калитки,

я посмотрел на часы. Странно, Толька никогда так рано не возвращался.

- Сидите, я сам открою.

Когда мы с Августом вошли в кухню, все посмотрели на Мастера Параллелей.

- Август... - начала Лена.

Тот поднял руку.

- Я все знаю, Елена Викторовна. Собственно я здесь для того, чтобы помочь Анатолию Михайловичу.

В Ленкиных глазах зажегся огонёк надежды.

- Ваша медицина сможет вернуть ему память? - это уже спросил я.

- К сожалению, Валентин Николаевич, наша медицина не рассчитана на людей. Есть другой способ...

Он замолчал.

- Не томите, Август! - подала голос Наташка.

- Способ есть - медленно заговорил Август - но вам он не очень понравится.

- Говорите! - это уже Лена.

Мастер Параллелей вздохнул.

- Для того, чтобы к Анатолию Михайловичу вернулась память, ему снова нужно умереть... Я перенесу его в момент смерти туда, где он воскрес в первый раз.

- Белосток - прошептала Лена.

- Да, Белосток.

- И он все вспомнит? - спросил Алексей.

- Шансы высоки. Только... - Август помялся - недопусти-
мы ни яд, ни снотворное. Нож или пуля. Но не в голову.

Наступило молчание, потом девчонки посмотрели на ме-
ня. Я вздохнул.

- Хорошо. Завтра мы со Старым утром пойдем на рыбал-
ку. Там я все сделаю...

Потом обговорили детали, и Август попрощался.

Когда я упал в море после выстрела, то ещё не умер. Или
уже умер, не знаю. Меня понесло по странному коридору со
стенами из переливающейся синей воды. По бокам пробегали
жёлтые огоньки, когда я скользил мимо, они гасли. Потом
движение ускорилося, и меня выбросило в реку, вверху све-
тило солнце, я поплыл к нему. Выскочив, как пробка от шам-
панского, на середину Бялы, я вспомнил все. И Белосток, и
наш с Винни золотой промысел, венчание в Форосе, рожде-
ние Лёшки, войну, Крым, Венецию, мое последнее задание.
Все пронеслось за какие-то доли секунды, оживив мою мёрт-
вую память. На берегу стояли Лена, Наташа и Дарья.

Сначала хотел их разыграть, спросить "гражданки, а вы
кто такие?", но посмотрев в тревожные Ленкины глаза, де-
лать этого не стал. Прикрыв срам рукой, выскочил на берег
и быстро пошел навстречу. На немой вопрос только кивнул

и улынулся.

- Да!

- Слава Богу! - выдохнула Наталья. Лена накинула на плечи полотенце, я переоделся.

- Прямо ностальгия, а, девчонки? Как двадцать лет назад. тот же берег, лето, солнце. Только моего "майбаха" не хватает, и Винни. Кстати, где этот убийца лучшего друга?

- Сейчас появится. - Лена посмотрела на часы. - Странно, уже должен быть...

Через полминуты на прибрежном песке стояли Полев и Лёшик. Тут я уже не удержался от хохмы, подошел к Вальке, нахмурил брови и спросил:

- Дядя, а ты кто?

Винни опешил, а я с удовольствием захохотал, и чуть было не пропустил роскошный удар в ухо.

- Всё, всё, брэк! Я же пошутил, Винни!

Полев вздохнул.

- Всё-таки вредный ты, Старый! - и хлопнул меня по плечу так, что я чуть не улетел обратно в Бялу.

- Лёшик, - потирая плечо, я повернулся к сыну - помнишь медведя, которого я из Хельсинки привез?

Сын улынулся и обнял меня.

- Конечно, помню! А ты помнишь, как мы Бобрецова потрошили?

- До мельчайших деталей!

- Не обманул колдун, сработало средство - удовлетворен-

но пробурчал Винни.

- Август, значит, подсказал меня шлёпнуть? - я повернулся к Полеву.

- Ну а кто ещё? Он, Мастер Параллелей.

К нам подошли жёны и Дарья.

- Ну что, домой? - спросила Даша.

- погоди, Даш! - ответил я. - Место историческое, грех тут не выпить пару рюмок! Кто за? Единогласно! Господин полковник, я надеюсь, вы не с пустыми руками прибыли?

Винни усмехнулся и достал из сумки бутылку шампанского и "ПолСта Экстра".

Продолжили уже дома.

- Ленусик, - обратился я к жене - накрывай на стол, чай не каждый день муж с того света возвращается!

- Я смотрю, у тебя это уже входит в привычку - усмехнулась Лена.

- Есть маленько, - согласился я. - Кстати, ты знаешь, что шампанское с утра пьют аристократы и дегенераты, как говаривал Лёлик из бессмертной комедии?

- Болтун!

Я притянул ее к себе и шепнул на ухо: - Я тебя очень люблю!

Потом сидели на летней веранде, дамы пошли к бассейну позагорать, а мы с Полевым и Лёшиком не спеша потягивали сухое красное.

Я нахмурил брови и картинно вытянул руку в сторону

Винни.

- Нет, ну как так можно было! Пулю лучшему другу прямо в грудь, в упор! "Пустое сердце бьётся ровно, в руке не дрогнул пистолет"!

Валька спокойно посмотрел на меня.

- Ты всю жизнь это вспоминать будешь?

- А как же! И не хочется, но грех упускать такой случай!

- Язва, - убежденно сказал Винни. - Двенадцатиперстной кишки.

Он закурил.

- Знаешь, Старый, я еле курок спустил. В последнюю секунду мысль промелькнула - а вдруг не получится? Я бы тогда сам...

- Здраастье! - возмутился я. - А кто бы тогда две семьи тянул? Ну да ладно, все обошлось, спасибо Мастеру Параллелей и вам с Лёшиком отдельно, низкий поклон до земли! Кстати, Валь, помнишь, он говорил, что его люди будут нас охранять? Прокол получился.

- Никакого прокола, Старый. Думаешь, кто мне наводку на госпиталь дал? И чьи бойцы на яхте "Коктебель" были? Август нашел меня еще до звонка Старосельского. Просто ситуация поменялась так быстро, что они не успели тебя забрать раньше немцев. Кстати, не хочешь рассказать, что было на судне "Эзель" и что так рвануло, что полпирса как корова языком слизала?

Я подлил вина мужикам, про себя тоже не забыл. Повер-

тел стакан в руке.

Потом кивнул.

- Расскажу. Но имейте в виду, братцы, это уровень секретности А01, так что никому, ничего и никогда. А началось все так...

Середина июня в Севастополе выдалась жаркой, в магазинах, учреждениях и даже в некоторых частных домах и квартирах появились новомодные кондиционеры, которые охлаждали воздух внутри помещений до приемлемых 21-22 градусов. В кабинете Старосельского, на плечах которого красовались новенькие погоны генерал-полковника, в углу о чём-то тихонько шептал кондиционер, после уличной жары прохладный воздух высушил пот, выступивший у меня на лбу и щеках.

Генерал поздоровался и указал на стул напротив, я сел.

- Анатолий Михайлович, - спросил его высокопревосходительство - вы читали последний отчет по Германии?

Я кивнул.

- Конечно, Сергей Михайлович.

- Вас не насторожили сведения об укреплении контактов Рейха и Турецкой республики?

- Я заметил эту тенденцию, о чем третьего дня информировал в служебной записке генерал-майора Гранского.

- Да, я читал её, - кивнул Старосельский - И поэтому вы-

звал именно вас, господин полковник. Прежде чем продолжить разговор, прошу ознакомиться с этим документом.

Генерал положил передо мной чёрную папку. Ого, допуск А01, "особой важности"! Я начал читать.

После разоблачения Гиммлера и высших чинов СС, доктор физико-математических наук штурмбанфюрер СС Отто Шварцнебель сбежал в Алжир. Через шесть лет он попал в поле зрения Sicherheitsdienst², главным образом благодаря своим публикациям в научных журналах. Герр Шварцнебель разработал и создал то, что у нас на Земле называлось словом "мэйнфрейм", а бывший штурмбанфюрер называл свое детище Verteidigungsrechner - оборонный калькулятор. Короче, Отто Шварцнебель сделал первый в этой Параллели компьютер. Несколько лет у него ушло на отладку и компоновку узлов мэйнфрейма, причем в основных блоках были применены транзисторы, что уменьшило и вес, и размер компьютера. По сравнению со счетными машинами, применявшимися для нужд армии и флота во всем мире, компьютер Шварцнебеля получился компактным и, самое главное, он производил все расчеты в немыслимо быстрые сроки. Правда, мощный блок питания требовал постоянного охлаждения. Для этой цели герр доктор применил замкнутый контур с охлаждением жидким азотом. И всё это практически в одиночку, всего лишь с тремя ассистентами! На создание компьютера, который Шварцнебель называл "Дю-

² СД - служба безопасности РСХА.

рандаль", (романтик, сукин сын!) у штурмбанфюрера ушли все сбережения, да еще нахватал долгов. Когда люди Канариса вышли на него в Оране и, кроме полного отпущения грехов за членство в СС, посулили очень хорошие деньги, герр доктор с радостью ухватился за предложение помочь Фатерлянду. Но он не был дураком, поэтому не отдал научно-техническую документацию, а предложил клепать свои *Verteidigungsrechner* для нужд Рейха. Под это дело в безлюдных предгорьях Тассили-н'Аджер скорыми темпами была построена производственная лаборатория, а доктор получил звание оберштурмбанфюрера, но уже СА. Ни американские "Титаны", ни советские БВМ-25 не могли сравниться в производительности с "Дюрандалем". Расчеты траекторий баллистических и крылатых ракет он делал с поразительной точностью и быстротой. А немцы пока были лидерами в ракетостроении, им чуть уступал СССР, мир стоял на пороге космической эры.

Я закрыл папку и вопросительно посмотрел на Старосельского.

- Один такой оборонный калькулятор немцы собираются передать Турции, Анатолий Михайлович. И в планах Рейха создание ракетной базы на территории Турецкой республики. Конфликтовать напрямую с СССР Гесс не будет, а вот натравить турок на Крым - это он может. При наличии дальнобойных ракет, да еще с ядерными боеголовками, соблазн направить их на нас будет велик. Вы знаете, что в 1946 году

Крым и СССР заключили договор о взаимной военной помощи...

Я кивнул.

- Так вот, - продолжил Старосельский - в случае агрессии Турции СССР поддержит нас, а немцы - турок. И начнется такое... Даже представить страшно! Мировая война. Поэтому необходимо уничтожить оборонный калькулятор, который немцы повезут морем из Орана в Стамбул. Торговое судно "Эзель". К сожалению, мы поздно получили эту информацию.

Он постучал пальцами по папке.

- Поэтому захватить сам "Дюрандаль" не удастся. Но уничтожить его необходимо. Шварцнебель сделал пока только три вычислителя, один из которых - для Турции.

Я пожал плечами.

- Сергей Михайлович, у нас мощный подводный флот, торпедировать этот "Эзель" где-нибудь в Тирренском море, и делу конец!

Генерал потер подбородок.

- Не все так просто, Анатолий Михайлович... Наверняка "Эзель" будет сопровождать немецкая подлодка...

- Или крейсер - добавил я.

- Это вряд ли, немцам нужна скрытность, поэтому они воспользуются подводным флотом. В этих условиях торпедирование судна нельзя будет списать на банальное кораблекрушение. Тем более, в Средиземном море в основном при-

сутствуют подлодки Рейха, СССР и Крыма.

- Итальянские еще.

Старосельский поморщился.

- Капля в море, простите за каламбур, господин полковник! Канарис и Шелленберг не глупцы, они поймут, кто потопил судно с секретным грузом. Тут надо действовать тоньше, и, как всегда действовали англичане, чужими руками. Кстати, остатки МИ-6 обосновались за океаном, ЦРУ только выиграло от их присутствия.

Я кивнул.

- Ну да, агентура по всему миру.

- Вот именно. А в Сирии, где "Эзель" совершит единственную остановку, не все довольны присутствием немцев. Достаточно успешно действует местное отделение "Братьев мусульман", которых негласно поддерживает спецслужба США. Через несколько дней в Латакию теплоходом прибудет сотрудник ЦРУ Джеймс Уотерс. Наши люди ликвидируют его, и по документам мистера Уотерса вы, Анатолий Михайлович, должны вступить в контакт с исламским подпольем. Задача - теракт в порту, подрыв немецкого судна. Затем вы покинете Сирию.

Я покачал головой.

- Сложно, ваше высокопревосходительство. Но, пожалуй, это единственное решение, которое поможет спрятать концы в воду. Теперь уж вы простите меня за каламбур.

Я улыбнулся.

- И еще вопрос, Сергей Михайлович: почему именно я?
Генерал вздохнул.

- Анатолий Михайлович, ваш английский безупречен, и американский тоже. Ну и поразительное везение полковника Старинова сыграло не последнюю роль... Вы ведь всегда справлялись с самыми сложными заданиями. К тому же степень секретности не позволяет мне привлечь к этому делу менее компетентных сотрудников. Конечно, это не приказ, вы можете отказаться. Но после вашего отказа выполнение этой миссии осложнится. А время дорого.

- Никто кроме нас - пробормотал я.

- Что, простите?

- Да так, ваше высокопревосходительство, вспомнил девиз одного спецподразделения... Когда приступить к исполнению, господин генерал?

- Прямо сейчас, Анатолий Михайлович.

Старосельский положил на стол еще одну папку, потолще.

- Вот здесь - он похлопал по ней ладонью - все, что вам необходимо знать о сирийском филиале "Братьев мусульман", изучайте!

И вышел. А я открыл первую страницу...

В Латакии дул свежий ветерок с моря, в общем-то, не было изнуряющей жары, но душновато. Резидент КРУ Мустафа повертел в пальцах фотографию Джеймса Уотерса.

- У меня на контакте есть бандиты, сайед, которые за деньги убьют любого. Когда он прибудет?

- Сегодня. Пароход из Афин, в четыре часа дня. Возможно, он будет в очках.

Мустафа кивнул.

- Они встретят его в порту.

Мы стояли в старых доках в тени ржавого сейнера, когда подъехал потрёпанный черный "форд". Дверь открылась, двое мужчин вытащили третьего, и повели к берегу. Ещё двое шли сзади. Уотерс еле переставлял ноги, похоже, его оглушили или что-то вкололи. Когда они поравнялись с нами, я посмотрел в лицо американцу. Да, это был он. Шедший сзади вопросительно взглянул на нас, я кивнул, и он быстро ударил Уотерса ножом в спину. Вчетвером, держа убитого за руки и за ноги, они побежали по сходням. Доски прогибались, сквозь них били фонтанчики ржавой воды. Бандиты обшарили тело и сбросили труп в море.

- Не всплывет? - я повернулся к Мустафе.

Тот отрицательно помотал головой.

- Нет. Они разрезали ему живот.

- Кстати, - я прервал рассказ - а мой труп, дружище Винни, ты куда дел?

Полев пожал плечами.

- Да никуда, ты как свалился за борт, сразу резко ушёл под воду. И все.

- Ага... Ну, слушайте дальше.

Когда убийца передал мне документы и бумажник Джеймса Уотерса, Мустафа расплатился, и бандиты быстро уехали.

В бумажнике оказалась тощая пачка долларов и три аккредитива. В отдельном кармашке лежала половинка разорванной купюры в десять лир. Понятно.

В фотоателье Ибрагима было пусто, вокруг лопастей потолочного вентилятора кружилось несколько мух. Ибрагим довольно сносно говорил по-английски, так что переводить Мустафе не пришлось. Я достал американский паспорт и показал фотографу.

- В этом паспорте, господин Ибрагим, должна быть моя фотография.

Ибрагим перевел взгляд на резидента, тот кивнул.

Фотограф посмотрел мне в глаза и усмехнулся.

- А мистер Уотерс не будет возражать?

- Нет. Наш друг сейчас в раю, наслаждается обществом прекрасных гурий.

- Хорошо, уважаемый. Пройдите, пожалуйста, в студию.

Он сделал несколько фото со вспышкой.

- Приходите завтра, все будет готово.

Я помотал головой.

- Паспорт нужен сегодня. Через час. Я заплачу за скорость и куплю негативы.

Фотограф пожал плечами и перевернул табличку на входной двери - "Закрето". Через час я забрал паспорт и негативы, заплатив Ибрагиму всю сумму, которую он назвал. Мы с резидентом вышли наружу.

- Спасибо, Мустафа. Дальше я сам.

- Удачи, сайед!

Я не спеша пошел по вечернему городу. В банке снял с аккредитивов деньги, в общей сумме 30 000 долларов. На Аль-Шахдин нашел кофейню Хасана и сел за столик у окна. Пахло изумительным кофе, аромат которого не могла забыть даже баранина на углях.

Подошел молодой надиль[2] и что-то спросил по-арабски. Я отрицательно покачал головой.

- Я не знаю арабского, парень.

Он перешел на плохой английский: - Что желаете, мистер?

- Мистер желает чашку кофе и пахлаву.

- Кебаб? Салиик? Маклюб?

- Может быть потом.

В кофейне было малоллюдно. В дальнем углу сидели пятеро хорошо одетых арабов и о чем-то негромко беседовали. Когда я выпил кофе, подошел давешний официант.

- Что еще желает господин? Может быть, кальян?

- Нет.

Он огляделся по сторонам и тихо произнес:

- Афиун? Девочку?

Я рассмеялся.

- Нет, парень. Я хочу видеть Кур-Султана.

Глаза его забегали.

- А кто хочет его видеть, господин?

- Меня зовут Джеймс Уотерс. Я из Америки.

Парень слегка кивнул и отошел, а я закурил третью за се-

годняшний день сигарету.

Минут через пять напротив меня сел араб в европейском костюме.

- Вы хотели меня видеть, мистер Уотерс?

Его английский был лучше, чем у надиля.

Я насмешливо прищурился.

- У вас два глаза, а у настоящего Кур-Султана только один.³ Кривой среди слепых - султан.

Араб негромко хохотнул. Потом учтиво поклонился.

- Прошу вас, сэр, следовать за мной.

Мы прошли через кухню и спустились в подвал. Затем петляли по слабо освещенному коридору, в котором кое-где были двери. В старых кварталах Латакии такие коридоры соединяют древние здания и тянутся под всем городом. Метров через триста-четыреста мой провожатый открыл дверь и мы поднялись по истертым каменным ступенькам в ещё одну кофейню. Прошли через весь зал и оказались в другом помещении. На столе горела лампа, за столом сидел человек. Араб поклонился ему и закрыл дверь.

- Здравствуй, американец. Мы ждали тебя.

Кур-Султан действительно был кривой, пустую глазницу перечеркивал рваный шрам.

Я сел напротив. Араб протянул руку.

- Паспорт.

Когда он пролистал страницы и вернул мне документ, до-

³ Кур - кривой

бавил: - У тебя должна быть еще одна бумага...

Я достал половинку банкноты и положил на стол. Кур-Султан достал свою и приложил к обрывку, края совпали. Он удовлетворенно кивнул.

- Теперь поговорим не торопясь. Ты привез деньги?

Я положил чемоданчик на стол.

- Здесь тридцать тысяч долларов.

Единственный глаз араба жадно блеснул.

- Да возблагодарит тебя Аллах! Эти деньги пойдут на благое дело помощи нашим братьям, томящимся...

Я невежливо перебил его:

- Эти деньги пойдут на подрыв немецкого судна "Эзель", которое встанет в порту завтра днем.

Кур-Султан нахмурился.

- Мне об этом ничего неизвестно, - и подозрительно посмотрел на меня. А, блефовать так блефовать!

- Планы изменились буквально в последние часы. "Эзель" делает только одну остановку в Латакии, и ночью пойдет дальше без остановок. У тебя найдется пара десятков парней, не боящихся крови?

Араб кивнул: - Допустим.

Я разложил на столе схему судна.

- Когда завтра утром будут загружать топливо и пресную воду, несколько твоих людей под видом портовых рабочих должны заложить взрывчатку здесь - я ткнул пальцем в ют - и здесь, на баке. Для подрыва лучше использовать радиодетектор.

тонаторы, что мы вам передавали.

Эх, Старый, как он сейчас заорет "ничего не передавали, ты шпион, кяфир!". Но араб только кивнул головой. Ух, счастлива твоя удача, полковник!

- Как только взрывчатка сработает, двадцать твоих бойцов поднимаются на судно. Расстреливайте всех, кто вам попадётся. Там будет охрана и до полувзвода солдат. В коридорах и в трюме применяйте гранаты, осколки будут рикошетить от стен, это облегчит вам задачу. Теперь самое главное...

В одном из помещений находится счетная машина. Если дверь будет бронированной, подрывайте ее. В случае разрушения машины - уходите. Но если вы сможете вытащить пять-шесть радиоэлектронных плат из нее - я заплачу еще двадцать тысяч.

Араб задумался. Затем поднял голову.

- Двадцать пять тысяч - спокойно сказал он.

- Хорошо. "Эзель" ошвартуется от десяти до одиннадцати утра. В три часа ночи судно снимется с якоря. Взрыв планируйте на два часа после полуночи. Всё понятно?

- Да.

Я молча пожал ему руку и вышел.

Уже стемнело, в порту мигали огоньки, море шептало. В чёрном арабском небе перемигивались звезды. За шестьдесят лир я снял приличную комнату в Аль-Джалла и завалился спать. Проспал чуть ли не до обеда.

В час ночи я уже был в порту, на пирсе, около которого

белел корпус судна. Не спеша попивал кофеёк из термоса. Все таки лучший кофе делают в арабских странах, кто бы что не говорил!

Посмотрел на часы, до взрыва оставалась минута. Грохнуло очень сильно, и меня отбросило на штабель с чугунными отливками, после удара потерял сознание, а очнулся уже в немецком госпитале. Как сказал допрашивавший меня абверовец, полковник Вилли Крюгер, после взрыва сдетонировали емкости с жидким азотом, этого я никак не мог предусмотреть. В общем, боевиков вместе с судном разматало на клочки, а якобы выживший араб, который меня опознал, скорее всего, был блефом Крюгера. Вилли дал мне времени до утра, а потом гестаповцы стали бы ломать мне кости. Вот такие дела, братцы.

Лёшик помотал головой:

- Да, батя, в крутой замес ты попал!

Я усмехнулся: - "Крутой замес". Это ты где таких выражений нахватался, на Земле или у себя в Корпусе?

Алексей только что отслужил год срочной в Корпусе морской пехоты и планировал осенью поступать в Крымский университет в Севастополе.

Сын усмехнулся: - На Земле, конечно!

Винни разлил остатки вина по стаканам.

- Ну, господин полковник и господин унтер-офицер, за ее благородие Удачу!

Стаканы дружно звякнули.

- Так конечно все хорошо, но я боюсь, что немцы нам мстить будут... - задумчиво сказал я. - Схоронится бы нам в какой-нибудь Параллели на полгода-год. Я конечно пере-страховываюсь...

- Как всегда - ввернул Полев.

- Наверняка, я думаю, теперь нет смысла нас ликвидировать, но все-таки...

- Плакал мой универ - задумчиво произнес Лёшик. - Ладно, делай как знаешь!

- Я завтра съезжу к Старосельскому, напишу подробный отчет, а вы, дорогие мои, подготовьте к мысли о необходимости эвакуации женщин.

На том и порешили.

Утром мы сидели с Леной на кровати и тихо разговаривали. Вернее, говорила в основном она.

- Старый, я просто устала от того, что ты вечно куда-то исчезаешь, а потом возвращаешься либо раненый, либо контуженный. Я устала ждать, волноваться, бояться. И не хочу еще раз опознавать тебя в морге. Это вы с Винни такие железные супермены, а мы с Наткой обычные женщины, к тому же немолодые. Я стала пользоваться краской для волос, чтобы не была так заметна седина... Ну что ты улыбаешься?

- Ты красивая...

- Да ну тебя! Я серьезно говорю. Ведь почти два года вы с Винни не работали в контрразведке, и все было замеча-

тельно! Но нет, вы вернулись и опять пошли командировки, срочные вызовы и вся эта нервотрепка! Даже когда вы занимались золотом в Белостоке, было гораздо спокойней! И вот сейчас нам надо срываться с места и прятаться в Параллелях! Ты бы хоть о Лёшке подумал, он осенью собрался в университет поступать, а теперь все переносится на неопределенный срок!

Я вздохнул и потянулся за сигаретами.

- Ну что, жена, ты во всем права. Но понимаешь, - я щелкнул зажигалкой - это моя работа. Я ведь больше делать-то ничего не умею. И Валька тоже.

- Господи, да сидите дома, занимайтесь виноделием! - с жаром воскликнула Лена.

- Так-то оно так - протянул я. - Только виноделы из нас получились не очень. Ну ладно, водка ещё пользуется спросом, а вот по вину слишком много конкурентов, мы с вином так на рынок и не вышли. Да и потом...

Я помолчал.

- Лен, ну нравится мне эта работа. К тому же согласишься, пять последних лет были спокойными.

- Спокойными? - сощурилась Лена. - А год назад две пули от Раевского не в счет? Ты потом месяц кровью плевался! А удар ножом два года назад? Если бы не твой стамбульский портсигар, нож достал до сердца! И это ты называешь спокойными годами?!

Ленка бушевала.

- Старинов, тебе обязательно надо везде свой нос сунуть!
Прямо как нашей Мурке!

Полгода назад Барсик отправился в кошачий рай, а я как-то вечером вернулся со службы вместе с Винни на его новом "мерседесе" и вышел у дома Полевых, хотел прогуляться до дома пешком. Когда шёл, под ноги подкатился какой-то меховой комок. Котёнок. Не мяукал, просто сел рядом и смотрел на меня снизу. Я аккуратно обошёл его, а метров через десять оглянулся. Никого. Посмотрел вниз - котейка просто сидел на моих ботинках. Осторожно снял его и пошел дальше. Опять оглянулся, и опять котёнок устроился на моих ботинках. Ну, тут уже я не смог его оставить, сунул под пальто и понес домой. Это оказалась кошка, причем любопытной расцветки, как будто художник щедро разбросал по черному фону мазки белой и оранжевой краски.

- Чистый Моне! - восхитилась Лена, и решила назвать кошку Монькой. Но тут уж я воспротивился.

- Лен, ну какая Монька? К тому же это имя мужское, еврейское, а кошка русская. Давай лучше назовём её Манькой, а?

Сверху спустился Лёшик, погладил кошку, она вскарабкалась ему на руки и тут же заснула.

Я подмигнул:

- Хозяйина выбрала.

В конечном итоге Манька, или Маруська, плавно трансформировалась в более привычную Мурку. Кошка оказалась

игривая и реактивная. Неделя ушла у нее на обследование дома, причем два раза пришлось ее вытаскивать то из пожарного колодца, то из багажника автомобиля. Любую закрытую дверь Мурка принимала как вызов и тут же начинала штурмовать.

Я сокрушенно повесил голову.

- Ну, что молчишь?

- Права ты, боярыня, ой как права. Не вели рубить буйну голову, вели помиловать.

- Старинов, - возмутилась жена - прекрати паясничать!

- Прекратил.

И тут же не удержался, сделал трагическое лицо и запел:

- Смейся, паяц, над разбитой любооооовой!

Ленка прыснула, потом обняла меня и жалобно попросила:

- Ну серьёзно, Толь, угомонись уже, а?

Я посмотрел в её изумрудные глаза и ответил:

- Угомонюсь. Потерпи пару лет, а там меня выпихнут в отставку...

- А потом опять позвонит Старосельский - перебила Лена и скажет: "Родина в опасности, господин полковник!" Эх!

Она махнула рукой. Я обнял ее за плечи.

- Ленусь, я теперь буду очень осторожен, правда. Вторая моя смерть похоже встряхнула мозги в нужном направлении... Кстати, насчет Старосельского - я посмотрел на часы - через час я уеду в Севастополь, и у нас ещё есть время...

- А успеешь, господин полковник? - с улыбкой спросила Лена.

- Конечно силы уже не те, но кое-что смогу!

Я повалил её на кровать, Ленка взвизгнула, потом засмеялась...

В приемной начальника КРУ штабс-капитан Северцев щелкнул каблуками:

- Здравия желаю, господин полковник!

- Доброе утро, Мишель!

- Господин генерал ждет вас, прошу.

Его превосходительство пожал мне руку и слегка приобнял.

- Ваша память восстановилась, Анатолий Михайлович?

Я кивнул.

- Да, Сергей Михайлович, полностью.

- Значит, медицина помогла?

- И она тоже - уклончиво ответил я.

- Ну и прекрасно! Кофе, или может быть чего покрепче?

- генерал-полковник слегка подмигнул.

Я улыбнулся.

- Не откажусь от покрепче!

Старосельский поставил на стол пузатую черную бутылку и рюмки. Однако неплохой бренди пьют генералы! "Сен-Реми Extra Old"!

После первой рюмки я положил на стол тонкую папку.

- Сергей Михайлович, здесь подробный рапорт о произошедшем в Латакии.

Генерал кивнул.

- Я хотел бы сначала услышать обо всем от вас, господин полковник. Докладывайте.

И я начал рассказывать. Когда закончил, генерал наполнил рюмки.

- Ну-с, Анатолий Михайлович, за то, что вы остались живы. Не считая амнезии и вашего захвата немцами, всё прошло штатно. Значит, вы всё-таки хотели добыть несколько деталей "Дюрандаля"?

- И мне бы их принесли, ваше высокопревосходительство, если бы не детонация ёмкостей с жидким азотом. Это невозможно было предусмотреть, к сожалению.

Мы выпили, генерал закурил, я последовал его примеру. Старосельский побарабанил пальцами по черной папке.

- Когда наш резидент радировал, что после взрыва в порту вы не вышли с ним на связь, я вызвал полковника Полева. Приказал ему отобрать лучших оперативников и срочно отбыть в Сирию. Но Валентин Николаевич заявил, что сам найдет команду. Как я понял из вашего рассказа, он успел вовремя?

- Да, Сергей Михайлович. Утром меня стали бы ломать гестаповцы.

Генерал кивнул. Потом остро взглянул на меня.

- А что за люди были с полковником Полевым? И почему он отказался от помощи наших диверсантов, как вы думаете?

Я пожал плечами.

- По-моему это были наёмники. Причем высокой квалификации. А почему Валентин Николаевич отказался... Я думаю, чтобы сохранить секретность своей миссии.

- Но о ней знали только несколько человек, все проверенные сотрудники.

- Сергей Михайлович, вспомните дело подполковника Равеского. А ведь он тоже был проверен и занимал достаточно высокую должность, однако шесть лет работал на противника.

Генерал задумчиво кивнул.

- Значит, наёмники?

Он усмехнулся: - Оказывается, я не всё знаю о своих подчиненных.

Я вежливо улыбнулся.

- Так, Анатолий Михайлович, - Старосельский слегка хлопнул ладонями по столу. - Я думаю, что после вашего побега из госпиталя немцы могут предпринять некоторые действия против вас и Полева. Поэтому предлагаю: выдадим вам вместе с семьями новые документы и отправим куда-нибудь... Ну, скажем, в Уругвай. Или в Чили. Пока все не уляжется. А потом вернётесь.

- Ваше высокопревосходительство, мы тоже пришли к по-

добному решению, но документы и страну проживания выберем сами.

- Опасаетесь утечки информации?

- Конечно.

- Хорошо. - Старосельский поднялся, я тоже встал из-за стола. - Не сочтите за труд, Анатолий Михайлович, хотя бы раз в месяц давайте знать о себе.

- Я буду присылать вам открытки, Сергей Михайлович - улыбнулся я. - Только на домашний адрес.

В Берлине летний ветерок шевелил шторы в кабинете группенфюрера Генриха Мюллера, выдувая табачный дым за окно. Напротив начальника гестапо сидел оберштурмбан-фюрер Курт Айсман и ждал, пока Мюллер закончит читать документы. Группенфюрер перевернул последний лист и потянулся, разминая затекшие мышцы. Потом потёр подбородок.

- Значит, вы упустили этого русского? - добродушно спросил он у Айсмана.

Тот виновато кивнул.

- Да, группенфюрер.

- В чем была ваша ошибка, Айсман? Ну, смелее, дружище, смелее!

Айсман сглотнул.

- Нам нужно было сразу ломать Старинова, как только он

очнулся, а не играть в доброго абверовца и злого гестаповца.

Мюллер с сожалением посмотрел на подчиненного.

- Нет, Айсман. Ваша ошибка в другом. Не нужно было вообще устраивать этот спектакль. Кстати, кто сыграл доброго абверовца?

- Штурмбанфюрер Боле.

Мюллер кивнул.

- Допустим, Старинов не согласился на сотрудничество. Вы стали бы его ломать. А результат? Достаточно было установить личность оберста, чтобы понять, кто дал ему приказ - крымское КРУ. И если бы он не сказал ничего более - а я допускаю такой вариант, - вы бы ликвидировали полковника. Даже не задумываясь, насколько смерть разведчика такого ранга осложнила бы отношения Рейха и Крымской республики. Вы должны были не пытаться его, Айсман, а первым же пароходом вывезти сюда, в Германию, вылечить возможную амнезию и склонить к сотрудничеству не в качестве предателя, а в качестве контакта между гестапо и КРУ. Вот на это он бы согласился! Ну а теперь - чего уж, крымские ребята сработали быстрее. Кстати, установили личности напавших на ваших олухов?

- Так точно, группенфюрер! Один из них, штандартенфюрер, по описанию охранников похож на друга Старинова, полковника Полева.

- А второй?

Айсман отрицательно покачал головой.

- Данных по нему, кроме словесного портрета, нет. Известно только что это молодой человек около двадцати лет, высокого роста, без особых примет. Через два часа после побега Старинова наши люди работали в порту и на междугородных автомагистралях. К сожалению, безрезультатно.

- Ну что ж, Курт, подведем итоги. Первое - группенфюрер отогнул палец - взорвано судно и ликвидирован объект стоимостью в 800 000 рейхсмарок. Второе - Мюллер отогнул еще палец - удалось скрыться агенту крымской разведки, который мог бы стать связником между мной и Старосельским. Ну и, наконец, третье - выполнение проекта "Немезида" отодвигается на неопределённый срок. Через два часа я буду докладывать фюреру (Мюллер предусмотрительно перестал называть Гесса "Бровастым" даже в беседе с проверенными сотрудниками, справедливо полагая, что предать может каждый, это лишь вопрос цены) о вашем неуспехе. И естественно, все шишки полетят не на вашу голову, а на мою, как руководителя операции. А вот теперь, Айсман, самый главный вопрос.

Мюллер тяжело посмотрел на оберштурмбанфюрера.

- Откуда русские узнали про оборонный калькулятор? И что именно "Эзель" будет переправлять его в Турцию? Есть какие-нибудь соображения?

- Группенфюрер, возможна утечка информации - осторожно начал Айсман. - Все наши сотрудники, причастные к проекту "Немезида", имеют допуск категории "С". Но я сей-

час же отдам приказ тщательно проверить каждого.

Мюллер помолчал, потом отрывисто спросил: - Сколько офицеров абвера были в курсе?

- Восемь человек, группенфюрер.

- Установить за ними наблюдение, просмотреть еще раз персональные дела, выявить личные и служебные связи...

Мюллер поморщился.

- Ну, не мне вас учить. Идите, Айсман. Результаты проверки нужны как можно быстрее.

Айсман помялся, потом спросил: - А что делать со Старинным, группенфюрер?

Мюллер улыбнулся, хотя его глаза были холодными, жесткими.

- Не терпится взять реванш за проигрыш, Курт? Ничего. Никаких силовых акций, только наблюдение. Агент "Ингрид" по-прежнему на месте?

- Да, группенфюрер.

- Вот и пусть присматривает за нашим русским. Будут новости - сразу мне докладывать. Идите.

Когда за оберштурмбанфюрером закрылась дверь, шеф гестапо прошелся по кабинету. Потом подошел к вмурованному в стену сейфу и достал из него еще одну папку. В 1947 году Генрих Мюллер получил первые агентурные данные на адмирала Канариса. С ведома начальника абвера его доверенное лицо, полковник Иоганн Либо, был замечен в несанкционированных контактах с сотрудниками ЦРУ, а точнее с

майором Генри Холлом и полковником Майклом Коуплендом, работавшими в секторе "Западная Европа". Агентам СД удалось сделать аудиозапись одной из бесед Холла и Коупленда с Либо. Эту катушку Мюллеру привез лично Шелленберг, который тоже недолюбливал напыщенного потому что пирейских торговцев рыбой. После прослушивания записи Шелленберг потребовал от Мюллера уничтожить плёнку. Иоганн Либо предлагал американцам сотрудничество. Но одной этой записи было мало, чтобы свалить Канариса, он без сожаления открестился бы от своей креатуры. И шеф гестапо начал кропотливую работу по сбору материала. Мюллера беспокоил недавно предложенный Канарисом проект "Немезида", по которому на территории Турецкой республики Рейх размещает баллистические ракеты с ядерными боеголовками. Он справедливо полагал, что в ответ СССР поставит аналогичную ракетную базу где-нибудь в дружественной Советам Польше. И если у турок, которых со времен Великой войны шеф гестапо считал двуличными и ненадежными союзниками, хватит безрассудства обрушить германские ракеты на Крымскую республику, то ответный удар русских может привести мир к катастрофе. Престарелый Гесс не возражал против плана "Немезида", в целесообразности которого его убедил начальник ОКВ Ганс Кребс. Поэтому группенфюрер Мюллер кроме сбора компрометирующей информации на Вильгельма Канариса был заинтересован в контактах с крымским КРУ, и возможно МГБ СССР. Но костоломы

Айсмана упустили Старинова, а оберст был нужен Мюллеру,
ох как нужен!

Глава 2 Вынужденная изоляция.

Вечером собрались у нас.

- Ну что, мои дорогие, - начал я - куда махнем? В Москву, на Люсиновскую, или, может быть, на Землю-ноль?

Наталья пожала плечами.

- Не знаю, Толь. А ты сам куда хочешь?

Я задумался. В принципе отсидеться нам нужно по крайней мере до Нового года, не дольше. Да и что-то подсказывало - не будут немцы мстить.хлопотно это и бессмысленно.

- Сейчас лето, в Сулак-сюр-Мер благодать! Ветерок с Бискайя, дюны, сосны и полное отсутствие комаров. Ежели кто забыл, напомним: у нас там домишко имеется, неказистенький такой, в два этажа, с собственным гаражом и виноградником.

Винни усмехнулся. После эпопеи с отъемом денег у Бобра мы купили хороший старинный дом почти на берегу залива и периодически выбирались в Аквитанию на отдых. Городок Сулак-сюр-Мер, чисто курортное местечко с трехтысячным населением, местным яхт-клубом и старой церковью еще со времен норманнских войн. Паром круглогодично ходит до Руайяна, до Бордо 85 километров. Вроде бы и на отшибе коммуна, но до цивилизации не так уж далеко. Мэр Сулак-сюр-Мер, Жак Труайяр, добродушный седоусый дядька, был если не нашим приятелем, то уж точно добрым знако-

МЫМ.

- Аквитания! - Лена мечтательно улыбнулась. - А что, я за! Тем более там через месяц кулинарная ярмарка...

- Фуа-гра пожрем, - плотоядно облизнулся Полев - баранинки тушеной, кальмарчиков, креветок, ммм!

- И запьем все это бордосской кислятиной! - рассмеялась Наташа. - Молодежь, а вы как?

Лёшик вздохнул:

- А что мы? Мы, барыня, люди подневольные, куды прикажут, туды и поедем - он лукаво подмигнул.

- Добро - подытожил я и посмотрел на часы. - Так, сейчас в Сулак-сюр-Мер... примерно два часа ночи, ну что, прыгаем?

- Прыгаем!

На следующее утро зашли в мэрию. Труайяр расплылся в улыбке.

- О, Мишель, рад тебя видеть! И Элен здесь, и Алексис! А где же Валентин, Натали и их прелестная дочурка?

- Все приехали, Жак. Они сейчас распаковывают вещи.

- Ну и славно! Давно вы у нас не были, целый год. А папаша Труайяр, между прочим, сделал изумительный о-де-ви!⁴ Зайдёте в гости, попробуете!

- Обязательно, спасибо, Жак!

- Не за что, Мишель! В доме все нормально?

- Да, все чисто, убрано.

⁴ О-де-ви - (вода жизни) самодельный бренди из виноградных и фруктовых вин. Крепость 40-50 градусов.

- Это Жужу старалась, прибирала каждую неделю.

- Денег, что я оставлял, хватило?

- Вполне! Ну что, отдыхайте, купайтесь, пейте вино. Надолго приехали, опять на месяц?

Я покачал головой.

- На несколько месяцев.

Труайяр рассмеялся.

- Однако в ООН длинные отпуска!

По легенде мы с Валентином Клермоном (так значилось в Валькином паспорте) работали в ООН. Однажды, когда помогали смолить Жаку днище его старого баркаса, я попросил Лену кинуть мне нож. Ленка, расшалившись, метнула его прямо в мачту. Нож воткнулся в двух сантиметрах от моей головы. Труайяр ничего не сказал, только хмыкнул. Лишних вопросов он не задавал, но как-то мы с Полевым и Алексеем крепко с ним выпили.

- Мишель, - задумчиво спросил мэр - а в какой должности вы служите в ООН?

- Мы эксперты и консультанты по некоторым вопросам, Жак.

Труайяр покачал головой.

- Я помню, как Элен бросила нож. И выправка у вас с Валентином военная...

- Ты еще не видел, как Мишель стреляет, - вмешался Полев. От моего возмущенного взгляда Винни шутливо прикрыл рот рукой.

- Всё всё, молчу!

У мэра хватило ума не развивать тему дальше, но кое-какие выводы он всё же сделал.

И потянулись праздные дни! Мы валялись на мелком чистом песочке, подставляя пятки прозрачным лазурным водам Атлантики. Благодаря тому, что в Крыму мы начали загорать с апреля, кожа побронзовела, и наша компания не сильно отличалась от местных, в отличие от белокожих туристов из Парижа или Гавра. Я отрастил небольшую бородку и по местной моде повязывал голову цветным платком. А однажды Винни с Лёшей уговорили меня проколоть левое ухо. Если бы был трезв, ни за что не согласился! Но мы тогда хорошо нагрузились местным "сент-эмильоном", и Лёха быстро перебросил нас в Ангулем, где в салоне на Рю Монлогис мне пробили мочку уха и тут же вставили золотое колечко. Утром, посмотрев в зеркало, я только помотал головой, но Лена, Наташа и Дарья неожиданно одобрили этот опрометчивый поступок, и я успокоился. Два раза в месяц Алексей переносил меня в разные места нашей Параллели, откуда я посылал карточки с видами городов Старосельскому. Тот только изумлённо качал головой, получая открытки то из Сиднея, то из Пуэрто-Рико, то из Осло. Однажды, из чистого пижонства я послал открытку из Берлина.

- Вот стервец! - выругался Сергей Михайлович, вынув из почтового ящика красивую открытку с видом Унтер-ден-Линден. Потом покрутил головой и усмехнулся. Для обрат-

ной связи имелась почтовая ячейка на Центральном почтамте Милана. Пока она пустовала.

В общем, всё шло своим чередом, девчонки успокоились. Лёша с Дарьей периодически прыгали по Параллелям, навещали тётю Веру и своих приятелей, потом возвращались на Землю-ноль. Когда понадобились иностранные паспорта, их быстро сделал Крепер, заодно познакомился с нашими жёнами и с Дашкой. Девчонкам он понравился.

- Матершинник жуткий! - со смехом заметила Лена. - Но как-то мат у него органично звучит, прямо слитно с цензурной речью!

Молодежь ночевала на даче у Гени, потом ребята либо бродили по Москве, либо куда-нибудь летали. Последний раз - в Иркутск.

Алексей Старинов, 19 лет. 30 июля 2034 года, коммуна Сулак-сюр-Мер.

С утра мы с Дашкой решили прыгнуть на Землю-ноль, как ее называл отец. Позавтракали, предупредили предков и отправились в Фирсановку, на дачу дяди Гены. Дарья первая, я за ней. Но что-то пошло не так... Вместо опушки леса на окраине Фирсановки я попал в какое-то пустынное место. На самом деле пустыня. Песок, чахлые кустики, жаркое солнце над головой, в самом зените. На стуле в двух метрах от меня

сидел человек. В годах, лет пятидесяти, в легком камуфляже, бежевых берцах и полевой кепке. Он улыбнулся:

- Здравствуй, Алексей! Присаживайся.

Он махнул рукой в сторону стоящего напротив стула. Любопытно! Я сел и начал смотреть на него. А он - на меня. Глаза светлые, улыбочивые, легкая щетина на щеках. Чем-то он напоминал бату.

- Жарковато сегодня. Лёш, пить хочешь?

- Не отказался бы.

Он щелкнул пальцами и на песке появился холодильник. Человек открыл дверцу.

- Выбирай!

Я взял запотевшую бутылку "Пепси", мой собеседник выбрал пиво. Банка пшикнула, хлопья пены упали на песок, человек сделал большой глоток, крякнул и вытер губы ладонью. Потом улыбнулся:

- Спросить ничего не хочешь?

- Предпочитаю для начала послушать вас - улыбнулся ответно я.

- Ишь ты! Прямо как Старинов-старший, те же манеры! Да и внешне ты похож на отца.

- Ну, так чай родственники!

Он расхохотался, потом отхлебнул пиво из банки. Я глотнул "пепси". Ничего, холодненькое. Потом посмотрел на часы. Прошло уже шесть минут с моего появления здесь, Дашка, наверное, с ума сходит!

Словно угадав мои мысли, человек заметил: - Не волнуйся, я умею растягивать время. Пока мы будем беседовать, на Земле-ноль пройдет от силы секунда, и ты выйдешь на поле за Фирсановкой вовремя.

- Вы - Мастер Параллелей?

Он внимательно посмотрел на меня.

- Нет, Алексей. Я тот, кто создал Параллели.

"Ничего себе!" - подумал я. А вслух спросил:

- А почему вы захотели встретиться со мной? И как к вам обращаться?

- Можешь называть меня Всевышним.

Увидев, как я поморщился, он усмехнулся:

- Что, не нравится?

- Не-а!

- Ну, тогда пусть будет Семён Семёныч. Пойдет?

Я кивнул.

- Что касается встречи - продолжил Семён Семёныч - то я давно хотел увидеть тебя вблизи. Я впервые встречаю у людей умение скользить по Параллелям без использования техники или артефактов.

- А почему именно меня, а не, скажем, Дарью?

Он кивнул.

- Правильно задаете вопрос, господин унтер-офицер. Женщины, Алексей, более эмоциональны и импульсивны, и наш разговор мог бы пойти не тем путем. Я выбрал тебя и не ошибся. Видишь ли, - он потер подбородок, - я живу очень

долго, миллионы лет. Я не человек, я разумная энергия. Это - он провел рукой по груди - всего лишь привычная для тебя оболочка.

- Семён Семёныч, а Землю-ноль тоже создали вы?

Он покачал головой.

- Нет, Алексей. Она послужила прототипом для Параллелей. И только тогда, когда на ней появилась разумная жизнь.

- А Параллелей много?

Он кивнул.

- Достаточно много.

Потом усмехнулся: - Но гораздо меньше, чем планет во Вселенной. Кстати, ты можешь представить бесконечность Вселенной?

Я пожал плечами.

- Честно говоря, нет.

- Вот и Долгоживущие, или как ты их называешь, Мастера Параллелей, тоже не могут. А я могу. И в этом тоже разница между нами.

Я посмотрел в его спокойные глаза и спросил: - Наши с Дарьей способности... Это ваше вмешательство?

Он расхохотался.

- Нет, Лёша, это уникальное сочетание генов и энергии самих Параллелей. Так что можешь не называть меня отцом, сынок!

И опять засмеялся.

- А зачем вы вообще создали Параллели?

Семён Семёныч наклонил голову и подмигнул левым глазом.

- А ты знаешь, Лёш, скучно стало. Живу хрен знает сколько лет, а поговорить не с кем!

Я покачал головой.

- Что-то не верится, что разумная энергия может скучать...

- Ну почему же! Мне свойственны все человеческие качества: лень, скука, любопытство. Поэтому мне интересней общаться именно с людьми, чем с разумными растениями, к примеру.

- А такие есть?

- Есть, друг мой, есть. Во Вселенной много жизненных форм. Ну а если серьезно... Параллели своего рода социальные эксперименты. Где то события почти не отличаются от земных, а где то, как в вашей - отличаются значительно. Причем в лучшую сторону. Но у вас сейчас может случиться большая заварушка с применением атомного оружия. Ни я, ни Долгоживущие не имеем права вмешиваться в события, таковы, если хочешь, правила игры. Исправить ситуацию должны вы сами, люди. Твой отец работает в контрразведке, он более осведомлен о скрытой угрозе. Когда будешь рассказывать ему о нашей встрече...

- А что, можно?

- Конечно! Так вот, передай отцу, что Мюллер возможно ищет контакт с ним. Ну а дальше батя твой сам сообразит,

он мужик догадливый.

Семён Семёныч усмехнулся, потом посмотрел на небо.

- Однако заболтались мы с тобой, вон и солнышко за горизонт покатилося.

Я обернулся и оторопел! Мы разговаривали не более двадцати минут, а солнце почти скрылось. Однако!

- До свидания, Алексей! Если захочешь еще когда-нибудь поболтать, не стесняйся, скользи в эту Параллель. Место запомнил?

- Да, запомнил.

- Пока!

Он слегка хлопнул в ладоши, и я оказался на знакомой поляне, рядом с Дашкой.

- Лёха - она посмотрела на меня - ты какой-то странный. Случилось что?

- Случилось.

И я рассказал ей про Семёна Семёныча и наш разговор с ним.

- Офигеть! Так что, возвращаемся?

Я помотал головой.

- Нет, барышня, смысла не вижу. Давай по нашему плану, а вернемся во фряжское королевство, тогда родакам всё и расскажем.

На следующий день, ближе к полудню, мы уже были дома. Мама возилась на кухне, тётя Наташа ей помогала, дядя Валя смотрел новости по телеку. Увидев нас, он приветственно

махнул рукой.

- Привет, поколение младое и знакомое! Есть хотите?
- Нет, пап - Дарья чмокнула его в щеку.
- Дядь Валь, а где батя? - спросил я.
- На море пошел.

Я кивнул и вышел из дома. Отец сидел на песке с закрытыми глазами, подставив лицо солнцу. Я сел рядом. Он открыл один глаз, кивнул и опять закрыл глаза.

- Пап, - позвал я - поговорить надо.

Отец потянулся и повернулся ко мне.

- Говори, сын, я внемлю - он улыбнулся.

И я рассказал ему про свою встречу в пустынной Параллели. Батя внимательно выслушал, потом вздохнул.

- Скучно ему, сукину сыну... Налепил Параллелей и крутит людьми как куклами!

- У кукол нет выбора.

- Это да - неохотно согласился отец. - Лёшик, значит со слов этого Семён Семёныча Мюллер ищет контакт со мной?

- Да.

Он слегка прикрыл глаза и начал говорить монотонным голосом:

- Характеристика на Мюллера Генриха, группенфюрера СС, руководителя IV отдела РСХА.

Истинный ариец, характер нордический, общителен и ровен с коллегами.

Беспощаден к врагам Рейха, отличный семьянин, не имел

порочащих связей.

Проявил себя выдающимся организатором.

Я ошарашенно уставился на него.

- Это что?

Отец рассмеялся.

- В СССР, а сейчас в Российской Федерации - он махнул рукой за спину - очень популярен фильм "Семнадцать мгновений весны" по книге Семенова. Не смотрел?

- Не-а.

- Посмотри, хорошее кино. Эта характеристика Мюллера оттуда. Ну а в нашей Параллели, назовем ее для удобства "крымской", чтобы не путаться, Генрих Мюллер на самом деле группенфюрер, только не СС, а СА. И является заместителем начальника РСХА обергруппенфюрера Бруно Штирмана. Крупная фигура!

Папа повернулся ко мне:

- Лёш, перекинь сигареты и зажигалку, рядом с тобой лежат, а то мне тянуться лень.

Потом закурил, выпустил дым и спросил:

- Слушай, а какое сегодня число?

- С утра было 31 июля.

- Ага... Забросишь меня в Милан? Почту нужно глянуть.

- Что, прямо сейчас?

- Да нет, пообедаем, и в путь!

В столице Ломбардии, несмотря на лето по небу бродили тучки, временами брызгал мелкий дождь. У отца на поч-

тамте был абонентский ящик на имя Вальтера Коризи. Он вышел на улицу, махнул рукой и мы присели на скамейку в парке Семпионе.

- Почти три месяца не было вестей от начальства - пробормотал отец, вскрывая конверт. Быстро прочитал, аккуратно сложил и сунул в карман.

- Мда... Ситуация.

- Что, - спросил я - генерал зовёт?

- Ты поразительно догадлив, сын мой. Даже не зовёт, а призывает своих верных паладинов, которые пришпорят коней и явятся под светлы очи его высокопревосходительства.

- Конь - это я?

- Ну что ты! - папа возмущенно махнул рукой. - Ты боевой розыскной волк! Эх, не дала нам мама тебя в контрразведку сманить! А мы ведь вдвоем с Валентином её уговаривали...

- Помню - усмехнулся я - только тарелки по кухне летали. Нет, пап, не моё это.

- Ну не твоё, так не твоё - согласился отец. - А то глядишь, через полгода бы поручиком стал, а там штабс-капитаном, а потом...

- Не уговаривай! - рассмеялся я. - Ну что, тронулись?

- Ага! Ты нас с дядей Валеи в Гурзуф закинешь?

- Когда?

Отец посмотрел на часы.

- Часиков в пять вечера по местному. Готовить ничего не будем, возьмем в "Бригантине" мясца, рыбку, салаттики, вина

и посидим в беседке. А уж наутро поедem в Севастополь.

По возвращении в Сулак-сюр-Мер батя собрал всех наших.

- Значитца, так, дорогие мои - начал он. - Получил я письмо из Крыма. Похоже, наш отпуск заканчивается. Никаких поползновений противника не замечено, все тихо и спокойно. А посему мужчины сегодня вечером убывают в Гурзуф, а вам, дамы, еще деньков десять придется поваляться на пляже и поплескаться в Атлантике. Возражения есть? Ай, зараза!

Подкравшаяся Мурка укусила отца за палец на ноге и, довольная, умчалась на кухню.

- Так, - сказала мама - а почему нам всем вместе не вернуться? Старый, ты что-то не договариваешь.

Батя задумчиво посмотрел на неё.

- Леночка, поверь, так будет лучше для всех.

Мама погрозила ему пальцем: - Только, смотри...

Договорить не смогла, отец поцеловал её.

В общем, вечером мы переместились в Гурзуф. В доме было пусто и пыльно. Отец с дядей Вале́й поехали в "Бригантину", а я слегка прибрался в нижнем этаже.

Быстро стемнело. Когда нагруженные свертками и бутылками господа полковники закрыли калитку, я уже зажег свет во внутреннем дворике.

- Ты посмотри, Толь, мы от силы минут сорок отсутствовали, а Лёха уже и прибрался, и даже скатерку постелил, и

вилки-ложки! - восхитился дядя Валя.

- Ну, дык! - гордо ответил батя.

За ужином отец достал из кармана письмо.

- "Уважаемый господин Коризи! У нас закончился период штормов, поэтому приглашаю Вас и господина Валенти на рыбалку.

С совершеннейшим к Вам почтением, Серджио Альтери."

- Небось опять какое-нибудь мудрёное задание господин Альтери нам приготовил - заметил дядя Валя.

- Наверняка - задумчиво ответил отец. Потом улыбнулся:
- Да хрен с ним, разберемся, не впервой!

Берлин, главное Управление Имперской безопасности, 3 августа 1950 года. ⁵

Генрих Мюллер внимательно слушал магнитную запись, сделанную его агентом в особняке генерал-полковника Вальтера фон Браухича, заместителя главнокомандующего сухопутными войсками. Агент "Кальтер" уже почти десять лет служил мажордомом у Браухича в Потсдаме, и информация, предоставляемая им, была очень ценной. Для записи был использован микромагнитофон "Сименс", последняя новинка техотдела РСХА. Он работал абсолютно бесшумно, имел автореверс, и на компакт-кассету помещалось 130 минут запи-

⁵ Время в Параллелях течет неравномерно, отсюда такая разность дат.

си.

Кроме хозяина присутствовали начальник Генштаба сухопутных войск генерал-лейтенант Курт Цейтлер, заместитель руководителя абвера Канариса фрегаттен-капитан Александр Целлариус, генерал танковых войск Вольфганг Фишер, начальник Главного управления полиции порядка Альфред Вюнненберг, а также рейхминистр вооружения Альберт Шпеер и рейхсминистр экономики Ялмар Шахт.

- Господа, - начал говорить фон Браухич - я человек военный и не буду занимать ваше время попусту. Ситуация в Германии близка к критической. Окружение фюрера сейчас состоит из подхалимов и карьеристов, влияющих на внешнюю и внутреннюю политику Рейха. Это и взлет цен с января нынешнего года, который привёл к массовой забастовке рабочих практически на всех заводах, и скандал со взятками в министерстве сельского хозяйства, и падение курса рейхсмарки на мировых биржах. Но самое главное - Германия стоит на пороге мировой войны! Месяц назад по распоряжению Кребса в Турецкую республику были отправлены пятьдесят наших новых танков "Леопард" и зенитные ракетные установки "Альберт". Также планируется размещение баллистических ракет с ядерными боеголовками. Вы все прекрасно знаете, на кого турки наведут эти ракеты.

- На Крым - подал голос Цейтлер. - А их поддержит СССР.
- Да - кивнул фон Браухич. - И в результате Европа сгорит в атомном костре. И не только Европа. Нынешнее состо-

ание здоровья Рудольфа Гесса свидетельствует о его неадекватности, которой пользуются Кребс, Канарис и другие придворные лизоблюды. Как вы помните, год назад, на партийном съезде в Нюрнберге фюрер потерял сознание прямо на трибуне.

- Да.

- Помним, конечно!

- Помним, - раздались голоса.

Заместитель главнокомандующего ОКВ продолжил: - Вот выписка из истории болезни фюрера, составленная его лечащим врачом профессором Шнейдером. Читаю: "На фоне выраженного атеросклероза базилярных артерий головного мозга у пациента наступил инсульт с парализацией левой половины тела. В течение пяти дней ситуация была критической. Потом, после применения гемолитических препаратов, был достигнут небольшой прогресс. Затем состояние Рудольфа Гесса улучшилось, но через три месяца произошел повторный инсульт. Вследствие этого ухудшилась деятельность головного мозга пациента со снижением его активности..."

- Эти данные строго засекречены. И понятно, кем. Ещё пять-шесть лет назад фюрер, несмотря на возраст, мог работать сутками. Теперь - нет.

- Да - подал голос Шпеер. - Раньше Гесс за день мог объехать половину Германии, теперь его активности хватает только часов на пять, увы.

- Поэтому, как не прискорбно мне об этом говорить, фюрер должен уйти в отставку.

Воцарилось напряженное молчание.

- Добровольно? - с усмешкой спросил Целлариус.

Фон Браухич вздохнул.

- Это было бы самым лучшим выходом. Ну а если нет...

- Если нет, придется устранить Гесса, даже физически - медленно произнес полицай-президент Вюнненберг. - Я думаю, все согласны с этим, господа?

- После смерти Геринга - задумчиво сказал Яльмар Шахт - только один человек сможет убедить Гесса уйти в отставку.

- Борман - веско уронил Вольфганг Фишер.

- Да - кивнул Шахт. - Председатель НСДАП Мартин Борман. Только возьмется ли он выполнить эту деликатную миссию? А ведь за партией большая сила, господа. Только в одном гау Берлина не менее восьмисот тысяч членов.

- Я полагаю, Борман займет нейтральную позицию в этом вопросе - сказал Цейтлер. - Поэтому необходимо предусмотреть силовой метод решения наших задач. На армию я могу смело положиться.

- Подчиненные мне полицейские силы Берлина при необходимости смогут блокировать все действия наших противников - заявил Вюнненберг.

- Тогда - подвел итог фон Браухич - нужен план действий с назначенным временем выступления. Я прошу вас на следующей нашей встрече представить конкретные предложения.

После прослушивания записи, Мюллер похолодел. У него было ощущение человека, которому в руку сунули гранату с выдернутой чекой. И тут либо сжимать предохранитель, пока не онемееет ладонь, либо отшвырнуть ее подальше.

Группенфюрер закурил и подошел к окну. Он думал, как ему поступить. На встрече заговорщиков не было ни одного представителя РСХА. Вальтер Шелленберг, начальник VI отдела и, по сути его подчиненный, тяготел с некоторыми пор к Канарису, в надежде занять кресло Генриха Мюллера. У них давно не складывались отношения, и теперь группенфюрер ломал голову, не получил ли Шелленберг такую же информацию по своим каналам. В таком случае Мюллер должен был информировать руководителя РСХА Бруно Штирмана первым. И разоблачить заговор против фюрера и Рейха. И что в результате? Мюллер скептически хмыкнул. Влияние придворной камарильи на больного Гесса только усилится, и угроза мировой войны станет реальностью.

"Так, ладно. Второй вариант: я уничтожаю пленку, а "Кальтер" гибнет в автокатастрофе" - думал Мюллер. "Но в случае раскрытия заговора, да хоть тем же Шелленбергом, черт бы его побрал, мне поставят в вину в лучшем случае некомпетентность, мол, проморгал готовившийся переворот, а в худшем... Тюрьма Моабит". Мозг Мюллера работал чётко и быстро. "И, наконец, третий вариант - предложить заговорщикам свои услуги. Их шансы на успех велики, за ними армия, а самое главное, с ними Шпеер и Шахт, генералы

экономики Рейха. А успех любого переворота - это деньги".

Генрих Мюллер погасил окурок в пепельнице.

"Но если все пойдет не так, мне придется просить политическое убежище у государства, чья военная и экономическая мощь не уступает Германии..."

Группенфюрер невесело усмехнулся. "Ну что ж, лучше лечь под красных, чем под американцев и недобитых английских шпионов. Но этот вариант нужно хорошенько обдумать, как говорится, с идеей нужно переспать".

Приняв окончательное решение, он нажал кнопку селектора.

- Да, группенфюрер? - раздался голос его секретаря Шольца

- Вот что, дружище, вызовите-ка мне Штокса.

- Слушаюсь!

Герман Штокс, штандартенфюрер СА, заведовал сектором "Крым" и был одним из немногих сотрудников Мюллера, которым он доверял.

- Что нового по Старинову, Штокс? - спросил он вошедшего штандартенфюрера.

- По сведениям агента "Ингрид", семьи Полевых и Стариновых покинули Гурзуф в начале июля, в настоящий момент их местонахождение не установлено.

Группенфюрер хмыкнул.

- Напугал, значит, оберста наш Айсман! Хорошо, пусть "Ингрид" остается на месте. Если Старинов или Полев по-

вяются, немедленно докладывайте мне.

- Слушаюсь, группенфюрер! - Штокс щелкнул каблуками и аккуратно закрыл за собой дверь.

В кабинете Старосельского кроме него самого находился еще один человек в штатском, сидевший на диванчике у окна. Невысокого роста, светлые волосы, скуластое лицо.

- Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!

Генерал встал из-за стола.

- Рад вас видеть, господа! Прошу садится. Позвольте представить вам...

- Не надо, Сергей Михайлович - я шагнул к поднявшемуся навстречу гражданскому и протянул руку.

- Здравствуйте, товарищ Фитин. Как долетели?

Тот ответил рукопожатием: - С ветерком, господин Старинов!

С 1942 года Павел Михайлович занимал пост министра МГБ СССР. Встреча с фигурой такого ранга означала, что дело действительно неотложное.

- Ну что ж, господа, приступим - начал Сергей Михайлович. - По нашим агентурным данным и данным МГБ в Германии планируется переворот с целью устранения Гесса от власти или даже ликвидации его. Заговорщиков несколько тысяч человек, во главе - высшие офицеры вермахта, Генштаба, промышленники. Свою организацию они называли "Союз спасения Германии". Ввиду обострения отноше-

ний СССР и Рейха в последнее время, руководство наших стран надеется на смену внешнеполитического курса Германии после победы заговорщиков.

- А если их путч провалится? - спросил Винни. - Что тогда?

Ответил Фитин.

- Тогда, Валентин Николаевич, ситуация обострится крайне, что может привести к мировой войне.

- И первый удар - по Крыму? Из Турции?

Министр МГБ кивнул.

- Поэтому чем больше значимых фигур Рейха будет участвовать в заговоре, тем больше шансов на успех. В связи с этим, господа, хочу сказать, что в подготовке переворота не замечены люди из РСХА. А ведь Имперская безопасность очень серьезная сила со своими армейскими частями и особыми подразделениями. Из руководителей отделов только один человек знает о заговоре - Генрих Мюллер. Но он не доложил об этой информации своему непосредственному начальнику Штирману, хотя обязан был сделать это немедленно. В контактах с людьми из "Союза спасения Германии" он тоже не замечен. Скорее всего, раздумывает, колеблется.

- А что Канарис? - спросил я.

- Канарис и Кребс преданны Гессу. Тем более что нынешнее состояние здоровья канцлера позволяет им манипулировать. Год назад Рудольф Гесс перенес инсульт. Их совместный план "Немезида"...

- Мы в курсе этого плана, господин министр - вмешался Старосельский. - Также у нас есть данные о давних контактах Канариса с ЦРУ. Столкновение двух крупных держав выгодно для США. Правда, наличие дальнобойных ракет и стратегических подлодок с ядерным вооружением янки не берут в расчет. Похоже, они надеются на локальную европейскую войну.

Генерал скептически хмыкнул.

- Но давайте вернемся к сути разговора... Господин генерал-майор не только поделился с нами оперативными данными, но и просил помочь Министерству госбезопасности СССР. У нас уже был разговор по этому поводу. А теперь, Павел Михайлович, слово вам.

Старосельский выжидательно посмотрел на Фитина. Министр МГБ обратился к нам с Винни.

- Нам нужен Мюллер. По некоторым данным он ищет контакты с МГБ, и полковник Старинов, которого вы, Валентин Николаевич, так ловко вывели из Латакии, представляется ему подходящим для этой роли связником.

Министр МГБ смотрел на меня, а я думал.

- Павел Михайлович, а почему бы Мюллеру не обратиться к коммунистам?

Фитин поморщился.

- КПП после смерти Тельмана, Анатолий Михайлович, сильно сдала свои позиции. Нынешнее руководство компартии Германии, возглавляемое Теодором Райке, стоит ско-

рее на позициях оппортунизма и постепенно превращается в "карманную оппозицию" Гесса, что раздражает Сталина. Если на прошлых выборах в Рейхстаг кандидаты от КПГ набрали 48 процентов голосов, то сейчас еле наскребли 29. К тому же велика вероятность утечки информации, поэтому Мюллеру проще и безопасней общаться с коллегой, так сказать.

Фитин улыбнулся.

- Смею заметить, товарищ Фитин, что у меня есть свое непосредственное начальство...

Генерал Старосельский перебил:

- Анатолий Михайлович, мы этот вопрос уже обсудили с генерал-майором. Считайте что вы с полковником Полевым временно переходите в его оперативное подчинение.

- То есть вы предлагаете мне выйти на прямой контакт с заместителем руководителя РСХА группенфюрером Мюллером? - я повернулся к Фитину.

- Да.

- А если мне просто откроют в Германии голову?

Ответил его высокопревосходительство:

- Анатолий Михайлович, сейчас в Берлине дислоцирована одна из групп ДСН,⁶ которая полностью обеспечит вашу безопасность. К тому же с вами будет полковник Полев, именно поэтому я вызвал вас обоих.

⁶ ДСН - дивизия специального назначения, созданная в феврале 1942 года при Генштабе ВС Крымской республики.

- Со своей стороны - подал голос Фитин - я предлагаю любую спецтехнику, снаряжение, документы, деньги, силовую поддержку.

Я кивнул, потом обратился к генерал-полковнику Старосельскому:

- Сергей Михайлович, сколько человек в берлинской группе ДСН?

- Тридцать, Анатолий Михайлович.

- Если потребуются наши специалисты - вмешался Фитин,
- то любое количество...

Я помотал головой.

- Это лишнее. К тому же со многими офицерами ДСН мы с полковником Полевым знакомы лично. Операция щепетильная, лишних бойцов нам не понадобится, обойдёмся десятком. Теперь, господин генерал-полковник, нам нужна спецтехника: миниатюрные фотокамеры, диктофоны, радиосвязь.

- Любое ваше требование, Анатолий Михайлович! - заверил меня Старосельский.

Я повернулся к Полеву.

- Валя, ты со мной?

Винни кивнул, затягиваясь сигаретой: - Конечно, Старый!

После обсуждения рабочих вопросов мы вернулись в Гурзуф. Дома было пусто, в кухне на столе лежала записка.

"Я на море. Борщ и котлеты в холодильнике, остальное найдете."

- Хозяйственный, - одобрительно сказал Винни - весь в мать.

- Чего это сразу в мать? - обиделся я. - Если бы к генералу с утра не рванули, я тоже чего-нибудь сварганил! Ладно, доставай борщ и все прочее, а я пока хлебца да колбаски нарежу.

Пока выпили по рюмке водки, с пляжа пришел Лёшик. В левой руке у него были мокрые ласты, капли глухо шлепались на каменный пол.

- Ну что, отцы, рассказывайте как съездили - он сел за стол.

- Борщ на тебя разогревать? - спросил Винни.

- Да я уже пообедал, время-то почти три.

- А рюмочку примешь?

- Можно.

Пока ели, я рассказал о нашем визите в КРУ.

Сын покрутил головой: - Надо ж с какими персонами вы общаетесь! Цельный министр госбезопасности СССР.

- Лёш, - я обнял его за плечи - ты уж прости, что я опять тебя в эту херню...

- Да ладно, батя, не дергайся! - сын улыбнулся. - Мне даже интересно!

- Ну и хорошо! Убивать меня не будут стопроцентно, на худой конец в камеру на Принц-Альбрехтштрассе сунут, а оттуда ты меня вытащишь. Кстати, - я нахмурился - а почему ты меня из госпиталя в Латакии не переместил?

Алексей скептически хмыкнул.

- Вместе с кроватью? Или без руки?

- А, да, логично! Ну что, документы и деньги нам выдали, завтра мы с дядей Вале́й летим в Берлин. Около четырех часов пополудни будь неподалеку от отеля "Мориц" на Лебенштрассе.

Лёши́к кивнул: - Хорошо.

- Только надобно сегодня к дяде Гене Креперу заскочить, кое-чем разжиться.

Командира берлинской группы ДСН мы с Валентином знали, когда он был ещё подпоручиком. Штабс-капитан Кравченко задумчиво почесал нос.

- Господин полковник, а как вы выйдете на Мюллера?

- Его домашний телефон добудете?

- Не вопрос.

Кравченко повернулся к поручику Валецкому.

- Саша, быстро!

Молчаливый Валецкий кивнул и вышел из комнаты.

Потом штабс-капитан спросил: - Что, вот так просто ему и позвоните?

- Коля, именно что просто. Чем проще, тем лучше - ответил я.

Через пятнадцать минут мы с Винни уже знали домашний номер группенфюрера Мюллера.

Генрих Мюллер ужинал, когда зазвонил телефон. Трубку взяла София, его жена.

- Алло.

-

- Да.

Она положила трубку рядом с аппаратом.

- Генрих, это тебя.

- Кто там, Софи?

- Он представился как оберст Старинов.

Глава 3 "Мне нравится тёмное пиво".

Утром на стол Генриха Мюллера легло донесение от агента "Ингрид". Три дня назад Полев, Старинов и его сын появились на вилле "Селим". На следующий день полковники уехали, предположительно в КРУ, и вернулись в 14:57. Больше никуда не выезжали, "меркурий" Старинова оставался в гараже.

А вечером русский полковник позвонил на номер, которые знали немногие.

У Мюллера закололо в затылке от предчувствия чего-то важного.

Он взял трубку и посмотрел на жену. Та поняла и вышла из комнаты.

Он нажал красную кнопку на панели аппарата.

- Здесь Мюллер.

- Здравствуйте, группенфюрер.

- Здравствуйте, полковник, слушаю вас.

- Я хотел бы с вами встретиться.

Мюллер улыбнулся: - Приезжайте на Вильгельмштрассе 8, мой кабинет найдете.

Его собеседник рассмеялся.

- Там слишком много людей в коричневой форме, а у меня

в последнее время аллергия на этот цвет.

Генрих Мюллер раздумывал несколько секунд.

- Пивная "Толстый Готлиб" на Вайзенштрассе, завтра в 15:00.

- До встречи, господин Мюллер! - и собеседник повесил трубку.

Шеф гестапо с силой потер лицо ладонью, затем набрал короткий номер.

- Ну что, засекли?

- Да, господин группенфюрер - ответил оператор. - Звонок был из автомата на углу Мариндорфен Вег и Глазоверштрассе.

Мюллер молча повесил трубку.

Когда я вернулся на съемную квартиру на Шпетсфельдер Вег, которая была по сути центром ДСН, сел напротив штабс-капитана Кравченко.

- Так, мы договорились о встрече. Коля, мне нужно чтобы сегодня с одним из кельнеров пивбара "Толстый Готлиб", что на Вайзенштрассе, произошел несчастный случай. Только без холодняка и сильных травм. И на его место должен устроиться ваш человек. Есть подходящий боец?

- Да, Анатолий Михайлович. Он как раз здесь.

- Зови!

Мы обсудили все детали, и я вернулся в отель "Мориц",

где у нас с Винни был двухместный номер. Лёшику пришлось поселиться на окраине, в Кёпенике.

Ровно в 15:00 Генрих Мюллер вошёл в пивную. Половина столов пустовала, ещё рано. Только к шести вечера начнут подтягиваться работяги, оттрубившие смену на заводе, солдаты из казарм да студенты университета имени Германа Геринга, расположенного неподалёку. Он осмотрелся. Несколько его проверенных людей, которые не служили в РСХА, уже были внутри. За пятым от входа столом у стены сидел русский полковник и прихлебывал пиво. Над столом висела старинная картина с изображением псовой охоты. Мюллер сел напротив. Перед ним стояла кружка с "Баварским Дункелем".

- Здравствуйте, полковник.

- Добрый день, группенфюрер. Я пока заказал по кружке пива.

Мюллер усмехнулся.

- Тёмное вы заказали, потому что я родом из Мюнхена?

- Да нет, просто мне нравится тёмное пиво.

Группенфюрер взял запотевшую кружку и сделал глоток. Потом поставил её на бирдекель и внимательно посмотрел на собеседника.

- Я слушаю вас, господин Старинов.

- Господин Мюллер, нам известно о "Союзе спасения Гер-

мании". Меня интересует ваше к нему отношение и дальнейшие действия.

Генрих Мюллер прищурился и наклонил голову.

- А вы наглец, Старинов. Я ведь могу вас прямо сейчас арестовать. На что вы рассчитываете?

Русский поморщился.

- А смысл?

Потом отхлебнул пиво.

- Кстати, мы до сих пор не заказали закуску.

Он поднял два пальца, к ним не спеша подошёл молодой кельнер, на ходу вытирая руки полотенцем.

- Что желаете, господа?

Парень чуть сдвинул край полотенца, и Мюллер увидел матовый торец пистолетного глушителя, направленный прямо ему в лицо. От посторонних глаз оружие закрывала широкая спина официанта. Как ни в чем не бывало, Старинов попросил:

- Мне, пожалуй, сосиски с горчицей, только без капусты. А вам?

Он повернулся к группенфюреру.

Тот отвел взгляд от ствола.

- Айсбан.

- Сю минуту, господа!

Кельнер пошел выполнять заказ. Полотенце теперь уже висело на локте.

Генрих Мюллер покачал головой.

- Ловкий малый!

Русский оберст широко улыбнулся, вполне искренне, только глаза его по-прежнему были холодными и цепкими.

"Сработаемся", - удовлетворенно подумал шеф гестапо. Затем вынул из кармана маленькую чёрную коробочку и положил в центр стола.

- Что это? - русский с любопытством посмотрел на неё.

- Наша последняя разработка. Глушит любую радиосвязь и делает невозможной магнитную запись в радиусе пяти метров. Вы ведь не возражаете, если этот пустячок полежит здесь?

- Нет.

- Ну и славно! А пока не принесли горячее, продолжим разговор. Почему вас так интересует "Союз спасения Германии" и мое участие в нём?

Старинов сделал ещё глоток пива.

- Речь идет о дворцовом перевороте, не о революции. Смена внешнеполитического курса Рейха устроит не только Крымскую республику, но и нашего соседа СССР. Крым беспокоит реализация проекта "Немезида".

- Поэтому вы взорвали судно с "Дюрандалем" на борту?

Русский кивнул:

- Именно поэтому.

Он посмотрел в полупустой зал и продолжил:

- Знаете, группенфюрер, есть такая русская забава: кулачный бой. Собираются бойцы и дерутся "стенка на стенку".

Вначале выпускают подростков, потом подтягиваются бойцы помощнее, а пацаны благоразумно отходят в сторону. Чтобы не затоптали. Если проект "Немезида" будет реализован, такими подростками в кровавой потехе станут Крым и Турция. Но отойти в сторону не смогут, их затопчут. А я люблю свою родину. Как и вы свою.

Генрих Мюллер усмехнулся: - Это все лишняя патетика, полковник. Мы же с вами разведчики, прагматики. Не ходите вокруг да около, говорите, что вам нужно от меня. А потом поговорим о том, что нужно мне.

Русский кивнул.

- Я еще и коммерсант, группенфюрер, поэтому хочу сделать вам коммерческое предложение. Вы представляете Имперскую службу безопасности, у вас огромные возможности, и участие в перевороте заместителя руководителя РСХА укрепит шансы на успех. Вы получите власть, а также негласную поддержку Крымской республики и СССР, правительства которых заинтересованы в смене внешней политики Рейха.

Мюллер хмыкнул:

- А что взамен, господин коммерсант?

Старинов закурил, выдержав небольшую паузу. Затем посмотрел прямо в глаза группенфюрера.

- С 1944 года - медленно начал он - абвер и РСХА активно сотрудничают. Была даже идея объединить эти ведомства. И не только сотрудничают, но и обмениваются оперативны-

ми данными. Это удобно, у абвера источники информации более качественные, чем даже у Шелленберга из VI отдела ("Заграница"). С другой стороны, возможности тайной политической полиции облегчают многие задачи военной разведки. У вас, Мюллер, как у второго человека в РСХА, есть доступ к спискам заграничной резидентуры абвера. Вот что нас интересует в первую очередь.

Мюллер задумчиво покачал головой.

- Каковы ваши полномочия, Старинов? Вы, конечно, понимаете, что сотрудничество с разведкой Крыма представляет для меня небольшой интерес, уж не обижайтесь.

- Моя нынешняя миссия санкционирована министром МГБ СССР генерал-майором Фитиным. Именно он наделил меня необходимыми полномочиями. Мы могли бы наладить регулярный обмен данными и координацию действий обеих сторон.

- Значит, вы надеетесь на успех переворота?

Русский полковник кивнул. Принесли горячее, возникла небольшая пауза. За столиком наискосок заросший щетиной невзрачный мужичок трясущимися руками поднял кружку и с наслаждением осушил половину.

- Ну хорошо, - продолжил Мюллер. - Допустим, я соглашусь на ваше предложение. Допустим, полковник. В случае победы заговорщиков нужен ли будет мне такой обременительный контакт с МГБ?

- А в случае поражения? - быстро ответил русский. - Вам

не простят бездействия. Я могу предложить вам, группенфюрер, парашют. Если заговор провалится, вас и вашу семью быстро эвакуируют в СССР, далее вы можете выбрать любую страну для проживания. Пожизненные выплаты для безбедной, даже обеспеченной жизни, немалая сумма в банке и спокойная старость - чем не вариант?

- Старость - Генрих Мюллер усмехнулся. - А ведь мы с вами практически ровесники, Сталинов. Вас то не тянет на покой?

- Тянет. Вот сделаю это дело, и попрошусь в отставку. Здесь - русский положил на стол конверт - настоящий паспорт СССР с вашей фотографией. Считайте это первым взносом в копилку наших добрых отношений.

Мюллер раскрыл паспорт. Да, настоящий. "Мельников Геннадий Альбертович, дата рождения 28 апреля 1900 года. Прописан в городе Москве".

Он задумался. Потом спросил с усмешкой: - А агентура РСХА вас не интересуется?

- Нас интересуется все. Но сначала абвер.

"Ишь ты, сначала!" - подумал группенфюрер. А вслух ответил: - Я подумаю, полковник. Как с вами связаться?

- Отель "Мориц", Лебенштрассе 18. Надеюсь на ваш правильный выбор, Мюллер.

Потом легко встал, положил деньги на стол и пошёл к выходу. По пути сел за стол пьяницы и что-то быстро ему рассказал. Тот негромко рассмеялся, Сталинов хлопнул его по

плечу и вышел.

Алкоголика изображал Гельмут Райхе, бывший штурмбанфюрер, обвиненный в систематическом получении взяток. Мюллер, тогда еще бригадефюрер СА, помог Райхе выпутаться из этой ситуации. Тому грозил большой тюремный срок, и Мюллер фактически спас его. С тех пор бывший штурмбанфюрер работал исключительно по его заданиям. Группенфюрер не спеша доедал свинину и прихлебывал темное. Когда доел, поманил Гельмута пальцем, тот быстро пересел за его стол.

- Ну, Гельмут, что смешного тебе рассказал этот русский?
- спросил Мюллер, закуривая.

Райхе усмехнулся: - Он рассказал анекдот.

- Ну-ка, ну-ка!

- Значит, встречаются три алкоголика, у всех руки трясутся. Один говорит, что мол когда наливал, горлышком бутылки три стакана разбил. Второй отвечает, что чуть не выбил себе зубы стаканом, когда пил. А третий рассказал, что когда пошел поссать, три раза кончил.

Райхе засмеялся.

- И когда уходил, хлопнул меня по плечу и сказал, что все хорошо, но глаза у меня трезвые. Забавный малый! Двое моих топтунов пошли за ним.

- Ни к чему... Ладно, на сегодня все.

Полковник Старинов, Берлин, 27 августа 1950 года,

Когда я вышел, в наушнике гарнитуры раздался голос Полева: - Ну что, Старый, можно тебя поздравить, вроде все прошло неплохо. Ждем тебя на Лебенштрассе.

В гарнитуре, которая легко спряталась под отросшими волосами, был чувствительный микрофон. Техникой снабдил нас Крепер. Попутно велась видеозапись на камеру, которую вмонтировал в солонку Винни. Эту солонку на стол поставил кельнер.

В номере отеля "Мориц" за столом сидели Лёшик и Валентин, смотрели материал на ноутбуке.

- Ну как, все записалось?

- А как же! Правда, когда он поставил глушилку, на пару секунд звук пропал, но я перешел на другую частоту. Все-таки техника 21-го века кроет местную как кролик белку!

Я засмеялся.

- Ну, завернул! Как кролик белку! Ладно, теперь есть у нас компроматик на гражданина Мюллера. Только видеозапись такого высокого качества... Боюсь, товарищ Фитин и господин Старосельский нас не поймут.

- Видео оставим себе, Старый, а звуковую дорожку перепишем на магнитофон. И с видео сделаем несколько интересных фотографий.

- Да, особенно где Мюллер берет мой конверт. Только разрешение фотографий нужно уменьшить и распечатать их

черно-белыми.

Винни снисходительно хмыкнул: - Не учи учёного, господин полковник! Что дальше?

- А дальше, Валя, ждём-с! Я думаю, в ближайший месяц ничего не произойдет, заговорщики торопиться не будут. А Мюллер... - я усмехнулся. - Пусть группенфюрер подумает.

Прощались с ребятами из ДСН.

- Коля, пока делать ничего не нужно. Посматривайте что да как, если начнется шухер, срочно радируйте в КРУ.

Кравченко кивнул: - Сделаем, Анатолий Михайлович. Вы останетесь?

- Нет, господин штабс-капитан, мы пока домой, в Крым.

- Удачи!

**Унтер-офицер Корпуса морской пехоты в запасе
Алексей Старинов, Гурзуф, 28 августа 1950 года, 15:40.**

Утром, первым рейсом мы вылетели из Темпельгофа сначала в Бухарест, а потом уже в Севастополь. Пока папа и Полев докладывали генералу Старосельскому о результатах нашей миссии, я пригнал со стоянки отцовский "меркурий", заправил бак, поменял масло. Около семи вечера папа и дядя Валя наконец вышли.

- О, Лёшик, ты авто забрал со стоянки! - обрадовался отец.
- Ну что, едем? Сын, садись за руль, я что-то подустал.

Выглядел он и вправду не очень, глаза запали, отец мор-

щился и потирал левую сторону груди.

- Э, Старый, ты в порядке? - забеспокоился дядя Валя.

- Да нормально всё, Винни, наверное просто не выспался.

Поехали!

По пути господа полковники рассказали про беседу с генералом.

- Ну что, - посмеиваясь повернулся ко мне отец - его высокопревосходительство остался доволен результатами. Особенно его впечатлили фотографии и запись беседы с Мюллером.

- Фитин был? - спросил я, вписываясь в крутой поворот.

- Нет, Лёш. Но думаю, наши материалы сегодня же переправят в Москву. Кстати, Старосельский оценил твое участие в деле и пожалел, что такой ценный кадр выбрал гуманитарную стезю вместо работы в контрразведке.

Отец усмехнулся и подмигнул мне, но тут же сморщился и потер лоб.

- Да что ж такое - пробормотал он. - Башка трещит.

Через пятнадцать минут я остановил "меркурий" перед воротами виллы "Селим". Нас уже ждали, мама, улыбаясь, стояла на летней веранде, тётя Наташа с Дашкой выглядывали из окна кухни. В дом мы все втроем зашли практически одновременно. Отец вдруг побледнел и как слепой стал шарить руками по косяку, потом упал.

- Тооля! - страшно закричала мама и бросилась к нему, мы тоже. Дядя Валя с матюгами разорвал у отца на груди

рубашку, потом стал хлопать его по щекам и брызгать водой в лицо, но это не помогало, он лежал неподвижно.

Мама прижала ладони к щекам.

- Господи, Валя, что с ним?

Полев досадливо дернул плечом.

- Не знаю, Лен, похоже на инфаркт.

Он наклонился к папе.

- Дышит, но дыхание поверхностное.

Потом взял безжизненную руку.

- Пульс слабый и частый. Надо "Скорую" вызывать!

В общей суматохе никто не заметил, как появился Август.

- "Скорая" тут не поможет, Валентин Николаевич.

Мы со страхом посмотрели на него.

- Позвольте! - Август наклонился над отцом, подержал его руку, потом достал из кармана деревянный футляр, вынул шприц и быстро набрал желтоватую жидкость в прозрачный цилиндр.

- Перетяните руку!

Мама затянула узел у отца на руке, и Август медленно ввёл в вену раствор. Батя порозовел, дыхание стало более ровным и глубоким, но в сознание он так и не пришел.

- Елена Викторовна, нужно перенести Анатолия Михайловича на кровать.

Мы с дядей Вале́й аккуратно подхватили отца и перенесли в спальню, он почему-то показался мне очень тяжелым.

- Приблизительно через час он очнется, а пока оставьте

Анатолия Михайловича в покое. Пойдемте, побеседуем.

И Август развернулся к двери.

Сели за стол. Мама все время нервно сжимала руки, дядя Валя был мрачен, да и у остальных настроение было соответствующее.

- Август, - жалобно спросила мама - что с Толей?

Долгоживущий вздохнул.

- Довольно редкий случай, Елена Викторовна. То, что мы называем "темпоральный шторм". Если не вдаваться в подробности, это реакция человеческого мозга на смену Параллелей и времен. Нейроны мозга не успевают обрабатывать поступающую информацию, которая покрывает его как паутиной. Тот препарат, который я ввел вашему мужу, на время блокирует приступ, но действие его ограничено по времени, около двенадцати часов.

- Пойдите, Август, а почему у нас с Дашей такого нет? - спросил я.

- Ваши способности, Алексей, не вызывают такого резонанса...

- А у нас? - перебил его дядя Валя. - Мы ведь тоже скользили по Параллелям, и ничего!

Август покачал головой.

- Не знаю, Валентин Николаевич... Возможно, ситуацию усугубила недавняя смерть Старинова. Но что толку гадать, лечить нужно! Итак: неподалеку от Ямайки есть небольшой островок, необитаемый, он даже на картах не указан. Пока.

Мы используем его в качестве санатория, что ли. Предлагаю перенести Анатолия Михайловича туда. Я обеспечу его всеми необходимыми препаратами, и буду следить за его состоянием.

Он повернулся к дяде Вале.

- Насколько я в курсе, у полковника Старинова нет сейчас никаких срочных дел?

- Ну да, если не считать военного переворота в Рейхе и контактов с группенфюрером Мюллером... - пробормотал я.

- Стоп! - вмешалась мама. - Какой переворот, какой Мюллер?!

Полев поморщился: - Лёха, тебя вот как за язык тянут... Потом, Лен, все потом - он повернулся к маме. - Сейчас надо Только вытягивать.

- Именно так - кивнул Август. - Для полного выздоровления потребуется примерно месяц, я думаю, полковник Полев сможет спасти мир пока без своего лучшего друга.

Он улыбнулся.

- Кто это собрался в одиночку спасти мир? - раздался батин голос. С виду отец был довольно бодрый, ну, слава Богу!

Глава 4 Остров.

Симпатичный островок. Небольшой, я в первые дни обошел его полностью. Белый песок, задумчивые пальмы, на холме маленькая роща с чистейшим родником. На берегу хижина из бамбука с дырявой крышей, неподалеку ветряк, исправно дававший электричество, даже небольшой холодильник имелся. Райское место! По уговору с Августом, никаких контактов с семьей и друзьями. Никакого спиртного и ограниченный запас сигарет. Я упросил Мастера Параллелей взять с собой ноутбук, все равно в этой Параллели еще нет Интернета. Он поморщился, но согласился. Свой Walther P37 я протащил контрабандой...

Над океаном в лазурном небе бродили ленивые облака, пальмы шелестели, в рощице перекликались какие-то тропические птицы.

Лагуна была мелкая, и я метров двадцать шел по пояс в прозрачной воде, потом поплыл. Через двести метров лег на спину. Перевернутой синей чашкой над головой висело небо, ласковые волны перекатывались через грудь. Хорошо! Когда вернулся назад, бросил на сковородку кусок бекона и разбил пару яиц. Потом сварил кофе и зажег первую за день сигарету. Чтобы меньше курить, вытянул ароматный "Житан" до середины и загасил, часа через два можно будет докурить. Взглянул на часы, время приближалось к одиннадцати.

Аккуратно разложил на столе шприц, флакон с препаратом и жгут. Потом посмотрел на свою левую руку. Хорошие вены, прямо мечта наркомана! Игла мягко скользнула в сосуд, я медленно выжал поршень. Как всегда, ударило холодом, и в голове возникла звенящая морозная свежесть, как от нашатырного спирта. Август велел колоть препарат два раза в день, плюс еще две таблетки утром, три днем и три вечером.

Приступы "темпорального шторма", как называл эту дрянь Август, не повторялись, чему я был очень рад. Когда отрубился на пороге собственного дома... В общем, паршивейшее ощущение. Резкий сильный звон, похожий на тот, которым сопровождались прыжки в Параллель, только гораздо сильнее. И вспышка, яркая белая вспышка, после которой все тело свело судорогой. Бррр!

Вчера он приплыл на катере, привёз кое-какую еду и обследовал меня. Я лежал на самодельной кровати, а Мастер Параллелей раскрыл свой чемоданчик, кстати, вполне современного вида, из матового алюминия, и надел мне на голову обруч. Потом приспособил на руки и ноги какие-то механизмы, похожие на больших блестящих насекомых. Они даже стрекотали!

- Все идет так, как я и планировал, Анатолий Михайлович. Отдыхайте! Через пару дней встретимся.

Катер взревел сиреной, и я остался один.

А ночью проснулся. Сквозь дырявую крышу светили звезды, но было что-то еще. Непонятные вспышки, похожие на

электросварку. Я вышел наружу, посмотрел наверх и оторопел. Прямо над головой висела странная темная конструкция, электрические разряды с треском пробегали вдоль извилистых линий.

- Это что еще за хрень? - пробормотал я.

- Это не хрень, господин полковник, - послышался знакомый голос - а твой мозг изнутри. Темпоральный шторм выжигает его.

Уже догадываясь, что услышу в ответ, я спросил:

- Ты кто?

Голос усмехнулся.

- Я - это ты. А ты - это я.

Я кивнул.

- Интересно, шизофрения так начинается или как-то по-другому?

Голос рассмеялся.

- Наличие внутреннего голоса еще не говорит о шизофрении, хотя... - он хихикнул. - В общем, Старый, как видишь ситуация хреновая. Но не безнадежная.

- Слушай, а почему это все случилось со мной?

- Ты много на себя взял, полковник - голос погрустнел. - Слишком много. Вот мозг и не выдержал.

- И что теперь? Как жить дальше?

Мой собеседник похоже пожал плечами.

- Не знаю, Старый. Как жить? Да живи так же, как и жил. Твоя жизнь поменялась с момента первой смерти. А что, раз-

ве это была плохая жизнь, а? Вспомни! Некоторым людям даже в последний час нечего вспомнить, а мы с тобой много повидали. Не унывать, Старый, все будет хорошо! А теперь дуй-ка ты спать!

И я пошел обратно, а надо мной в утреннем небе с легким шипением рассыпалась сложная конструкция моего мозга.

Утро выдалось пасмурным, на горизонте погромыхивало, наверняка пойдет дождь. После всех мыльно-рыльных и медицинских процедур я вздохнул и посмотрел на дырки в крыше. Придется чинить. Сидя наверху, вспоминал ночной разговор с самим собой. Что это было? Галлюцинация? Или на самом деле я видел свой мозг изнутри? Как бы то ни было, в голове уже не бродили мутные облачка, как в первые дни моего нахождения на острове. И вообще, я каждое утро просыпался в отличном настроении, ничего не болело и не тревожило. Кстати, остров безымянный, почему бы его не назвать как-нибудь? Чисто для себя. Я усмехнулся, выгибая пассатижами край жестяного листа. "Остров одинокого полковника". Я поморщился, слишком претенциозно и напыщенно. Проще надо, Стаинов, проще.

А ведь наверняка лет триста назад высокие галеоны с грузом золота из колоний шли, гордо расправив упругие паруса, в Испанию. И где-нибудь, возможно неподалеку, на них наваливался пиратский корабль. Гремели пушки, лилась кровь и закопченные от порохового дыма флибустьеры делили золотые слитки и монеты, чтобы спустить все награбленное

в портовых кабаках Санто-Доминго... А может часть сокровищ прикопали на этом островке. Вот представляешь, Старый, после отлива покажется бок потемневшего от морской воды дубового сундучка, а там, под парой старинных пистолетов пиастры, пиастры, пиастры!

Я засмеялся и, укрепив последний лист, слез с крыши. И вовремя, первые крупные капли забарабанили по железу. Я сидел на пороге, жмурясь от брызг, и пил кофе. На сквородке скворчали куски сибаса, которого я зацепил вчера на северной оконечности острова. Океан слегка волновался, крупные зеленые валы набегали на песок и с шипением рассыпались на мелкие струйки. Благодаря рифу, полукругом опоясывавшему лагуну, штормовые волны не захлестывали пляж, лишь обессилено лизали берег. Я пожалел, что не взял маску и ласты, было бы неплохо понырять в спокойную погоду за рифом. Будильник прозвенел, пора было колоть препарат. Так как мне обозвать остров? А пусть будет "остров Старый", исла Вьехо по-испански! Достаточно просто и благозвучно.

"А что, разве это была плохая жизнь, а? Есть что вспомнить, дружище!" Ты прав, мой внутренний голос, вспомнить есть что. Я включил ноутбук и загрузил текстовый редактор. Название родилось сразу, на титульном листе отпечаталось крупным шрифтом название:

ПАРАЛЛЕЛЬ.

" Вот уже три дня я торчу в Ребазе. Погода скверная, по-

стоянно с неба сыплет серая морось, воздух настолько сырой, что хочется отрастить жабры...

К вечеру дождь ослабевает, и я бездумно брожу под отсыревшими тусклыми фонарями. Их отражение в лужах собирается в желтые гармошки, а ветер с моря нагоняет туман и жалобный крик Heultonне⁷. Винни пропал в этом городишке неделю назад, только с другой стороны, а я так и хожу по кругу..."

До обеда я почти полностью написал первую главу. Потом продолжил. Слова и образы послушно ложились на белый лист, я что-то стирал, переписывал заново, исправлял ошибки, и когда густая тропическая ночь упала на остров Вьехо, я начал вторую главу. Потом перечитал написанное. Читал и удивлялся, как будто это происходило не со мной.

- С тобой, Старый, с тобой! - посмеивался внутренний голос. Я усмехнулся, сохранил текст и пошёл купаться.

Так прошли ещё два дня, утром завизжала сирена катера и через минуту я уже крепил швартовы к изъеденному морем и ветром кнехту. После обследования вопросительно посмотрел на Августа.

- Как мои дела, доктор?

Он улыбнулся.

- Гораздо лучше, чем было до лечения, Анатолий Михайлович. Не скажу, что все прошло, но, во всяком случае, есть некоторый прогресс. Приступов больше не было?

⁷ Бакен-ревун (нем.)

Я помотал головой.

- Нет, все в норме. Ем, сплю, вижу хорошие сны. Правда, был один... то ли сон, то ли явь.

Я рассказал Августу про свое ночное видение и разговор с самим собой. Тот задумался.

- Ну, во всяком случае, ничего негативного я не вижу, Анатолий Михайлович. С сегодняшнего дня будете делать инъекции вот этого препарата.

Мастер Параллелей поставил коробку с флаконами в холодильник.

- Возможна небольшая кратковременная тошнота и легкая головная боль, пройдет минут через десять после инъекции. Видел ваших, велели кланяться.

Август улыбнулся.

- Как они?

- Сейчас уже успокоились.

- А что в мире? - осторожно спросил я.

- Да все нормально, полковник Старинов, без катаклизмов.

- А в Германии...

- Анатолий Михайлович, - Август покачал головой - мы же договорились с вами, пока никаких дел.

Потом он посмотрел на открытый ноутбук и удивленно поднял брови.

- Вы стали писать?

- Да вот... Решил заняться графоманией на старости лет

- я усмехнулся.

- Интересно! Позвольте почитать?

- Конечно!

Август вставил флешку и быстро перекинул текст.

- Только пока еще неотредактировано, сыровато кое-где.

Он махнул рукой.

- Ничего страшного! Ну-с, господин полковник, разрешите откланяться!

Я пожал ему руку и пошел отвязывать швартовы. Потом стоял на берегу, пока катер не превратился в маленькую точку среди зеленоватого океана. Хорошо тут! Только выпить нечего. Ну да ладно, от трезвости ещё никто не умирал. За спиной пощелкивали лопасти ветряка, негромко гудел холодильник. Я сбросил шорты и с разбега нырнул в прохладную воду.

Так прошли еще несколько дней, я продолжал писать. Мне не нужно было ничего выдумывать, я просто рассказывал все то, что было на самом деле, поэтому через пять дней половина "Параллели" была готова.

Заезжал Август, взял кровь на анализ. Мы сидели на берегу, я курил и ждал, что скажет по поводу моей книги Долгоживущий. А тот улыбался, говорил о каких-то пустяках.

- Хорошо тут, верно, Анатолий Михайлович? Спокойно, тихо. Помните, я рассказывал вам о преступниках, которых пришлось приговорить к смерти?

- Да.

- Мне пришлось самому ликвидировать их. Это было непросто...

Он лег на песок, закрыл глаза. Потом продолжил.

- И я сорвался. Нервы. Тогда меня отправили на этот остров. Через две недели все прошло, я снова вернулся к работе. Здесь какое-то... - он пошевелил пальцами - умиротворение, что ли. Днем я ловил рыбу, купался, а ночью смотрел на звезды и слушал, как растет моя борода и шумит океан.

Август усмехнулся.

- А вы, я смотрю, бреетесь?

- Да. Нет пока желания отращивать бороду.

- Ну и ладно.

Он поднялся.

- Мне пора, Анатолий Михайлович. Ваше состояние стабильно, я навещу вас дней через пять. Да, по поводу вашей "Параллели" - я прочитал первые главы. Интересно. У вас свой стиль, непохожий на остальных. Пишите, не останавливайтесь! Надеюсь, вы понимаете, что вашу книгу не издадут ни на Земле-ноль, ни на Земле-один, ни здесь?

Он испытующе посмотрел на меня. Я пожал плечами.

- Конечно понимаю.

- Но все равно - пишите. Вам это нужно. Удачи!

Алексей Старинов, Гурзуф, 5 сентября 1950 года.

Утром заходил Август, передавал привет от папы. С его

слов, лечение идет успешно, даже лучше и быстрее, чем он ожидал. Мы все успокоились, мама уже не вставала по ночам и не бродила по дому. Я делал вид что сплю, но все слышал. Жалко её, конечно. И отца, разумеется. Но вроде улучшение есть. И я решил навестить Семён Семёныча.

В пустыне наступил вечер, жара спала. Через пару минут после моего появления появился он. На этот раз создатель Параллелей был гладко выбрит, черный смокинг идеально облегал фигуру, в одной руке был бокал шампанского, а в другой дымилась сигара.

- Приветствую тебя, о мой юный друг! - Семён Семёныч рассмеялся.

- Эк вы сегодня, прямо при параде! Добрый вечер! - поздоровался я.

- А, это я только что с бала у герцога Виндзорского. Шампанского хочешь? Хорошее шампанское, "Дом Периньон".

Он наклонился и откуда-то из под стула достал бутылку. Пробка негромко хлопнула, золотистое вино полилось в бокал.

- Ну как?

Я сделал глоток.

- Мм, недурно!

- Недурно, ха! Шикарный напиток! Ну ладно, рассказывай. Как я понял, Университет откладывается на следующий год? Кстати, а на какой факультет ты собираешься поступать?

Я покрутил бокал в руках, пузырьки еле слышно шипели.

- В этом году появился новый курс, называется "прикладная информатика".

Семён Семёныч кивнул.

- А в контрразведку не хочешь?

- Да вы что, сговорились все, что ли? - возмутился я.

- Всё, всё, - примиряюще выставил вперед ладонь мой собеседник. - Ну, Алексей, ты ведь не просто так решил меня навестить, а?

- Да. Отец...

- Я в курсе. Не волнуйся, им занимается один из старших демиургов, который вам известен как Август. К тому же остров, где сейчас находится твой батя... Понимаешь, он очень благотворно воздействует на человеческую психику. Там биополе уникальное. Первое упоминание о нем есть в хрониках Америго Веспуччи. После шторма один из кораблей португальской эскадры причалил к берегу. Моряки были измучены, половину экипажа трепала лихорадка. Но после десяти дней пребывания на острове люди полностью восстановились, даже лихорадка прошла. Вот так. Капитан корабля "Нуэва" нанес координаты чудо-острова на карту и пошёл догонять эскадру. Но когда на обратном пути португальцы попытались высадиться на острове, они его не нашли. Родилась легенда о райском месте, дарующем покой и здоровье. Потом она обросла домыслами, якобы даже мертвые могут воскресать на этом острове.

Семён Семёныч махнул рукой.

- Многие моряки пытались найти это место, но не получалось. Как будто сам остров, названный Эбенсуадо, что означает Благословенный, прятался от людей. В конце концов, поиски прекратились, и осталась легенда о чудесном острове. Когда Долгоживущие нашли Эбенсуадо, они стали использовать его для лечения и реабилитации. Они, Долгоживущие, все-таки гуманоиды. Поэтому не волнуйся, Лёша, с твоим отцом все будет в порядке!

- Спасибо, успокоили. А то мы все на нервах...

Семён Семёныч кивнул и подлил мне шампанского.

- Скажите, Семён Семёныч, а почему это произошло с отцом?

Создатель Параллелей встал со стула, прошел по песку.

- Старинов-старший, Алексей, захотел объять необъятное. Он всю жизнь привык тянуть на себя, даже при наличии такого замечательного друга как Полев. Ну и твоей матушки, разумеется. Вот и надорвался. Твой отец, как и его лучший друг, искренне верят, что смогут защитить эту Параллель от разных бед, как ни пафосно это звучит. Им комфортно здесь, понимаешь? Это их лучший мир.

Я кивнул.

- И надо сказать, у них получается! Когда твой отец воскрес в Белостоке, стали происходить позитивные изменения. Небольшие, но заметные. А потом работа в КРУ дала им больше возможностей для влияния на Параллель. Но твое-

му отцу надо всё и сразу, поэтому не рассчитал силы. В конце концов, всё будет хорошо, не волнуйся! А сейчас - он посмотрел на часы - вынужден откланяться. Да и графиня Эссекская меня заждалась. Темпераментная женщина в свои сорок два года, скажу я тебе!

Семён Семёныч мечтательно вытянул губы трубочкой, потом подмигнул, щелкнул пальцами, и я перенёсся домой.

Полковник Старинов, остров Вьехо, 23 сентября 1950 года.

Сегодня утром на океан лег плотный туман, я проснулся от сырости, облепившей лицо. На берегу было тихо, волны чуть шевелились, даже птицы не пели. Я сел на сырой песок, закурил сигарету и стал ждать, пока первый солнечный луч пробьёт влажную мглу. На душе было легко и спокойно, туман шевелился у ног. "И даже лапы не видно", вспомнил я старый мультфильм про ёжика и улыбнулся. Стук мотора стал слышен еще до того, как катер подошёл к берегу. Наконец показался корпус посуды, как призрак "Летучего Голландца".

- Эй, на берегу! - раздался усиленный мегафоном знакомый голос - Юнга, прими конец!

Винни! Губы сами расплылись в улыбке, а через несколько секунд, грохоча цепью, якорь расплескал воду, и носовой трап с мягким стуком упал на песок. Первым конечно сбе-

жал на берег Валька и начал меня тискать и хлопать по спине, за ним спустились Лена, Наташа, Лёшик и Дарья, последним шагнул на берег улыбающийся Август. Меня все обнимали и тормошили, Полев, ухватив за щеки, басил:

- Вы гляньте, какую мордень наел! Одно слово, курортник!

После того, как я со всеми расцеловался, повернулся к Августу.

- Большое спасибо, доктор! Пожалуй, это самое приятное лекарство, из всех, которыми вы меня потчевали!

- На здоровье, пациент! - улыбнулся Мастер Параллелей.
- Как самочувствие?

- Прекрасное, а сейчас стало еще лучше!

- Я решил, что на фоне прогресса вашего состояния такая встреча пойдет на пользу. Гости останутся до утра, а завтра в восемь я их заберу. Сейчас осмотрю вас, Анатолий Михайлович, и возьму немного крови для анализа, потом вернусь в Кингстон.

- А, так вы на Ямайке держите свой катер?

Август кивнул, и пошел в хижину. Пока мои друзья выгружали багаж, все лечебно-диагностические процедуры закончились.

- Новое что-нибудь написали? - он укладывал пробирки в кейс.

- Да. Почти закончил повесть.

Мастер Параллелей достал флешку.

- Разрешите?

- Ну конечно!

- Меня радует ваше состояние, - Август вынул флешку из ноутбука. - Похоже темпоральный шторм прекратил выжигать вам мозг.

- Август, а когда я смогу вернуться домой?

- Как только, так сразу! - рассмеялся Мастер Параллелей.

- Вот посмотрим на вашу кровь и результаты сканирования мозга, тогда и решим. А пока - наслаждайтесь обществом близких. Еще раз напоминаю, к восьми утра они должны быть готовы.

Катер взревел сиреной и ушел в океан, мы помахали ему с берега. Туман разваливался клочьями, неохотно пропуская солнечные лучи.

Я повернулся к Вальке.

- Как добрались?

- До Кингстона скользнули, а там в порту нашли катер Августа, и вперед! Эх, если бы дети могли крупногабаритные предметы переносить, мы бы на "Белостоке" приплыли!

Два года назад мы купили, с помощью начальника севастопольского порта, большую океанскую яхту. В одних руках, в прекрасном состоянии, водоизмещение 90 тонн, длина 23 метра, две мачты и полная парусная оснастка плюс две силовых установки "Катерпиллер" по 150 л.с. Скорость на дизелях - до 25 узлов, запас хода 3000 миль. Когда мы всем табором приехали в порт, то сразу влюбились в белоснежную

красавицу. Покупка прошла быстро, Винни слегка поторговался и ещё выцыганил у владельца моторную шлюпку, крепившуюся на таях по правому борту. И мы тут же привели яхту в Гурзуф морем. Управление оказалось не очень сложным, а яхта прекрасно слушалась руля. Естественно, возник вопрос о названии. У прежнего владельца, греческого купца, яхта звалась "Артемида". В принципе неплохо, но новое название лишь подчеркнет статус как самой яхты, так и её владельцев, то бишь нас. Жёны предложили назвать её "Надеждой". Мы с Валькой сморщились.

- "Надежда", ага, "Эсперанса"! - с жаром стал возражать Полев.

- Ну а чем плохо-то? - пытались отстоять свой вариант девчонки.

- Да только в одном севастопольском порту минимум три "Надежды" ошвартованы! Банальщина!

- А тебе, конечно, хочется назвать яхту "Испаньола"? - ехидно заметила Наталья.

- А что - вмешался я - уж всяко лучше, чем "Надежда". "Испаньола" - я мечтательно зажмурился - Джим Хокинс, Джон Сильвер, доктор Ливси и прочая веселая компания из бессмертной книги! Ладно, всё, сейчас серьезно. Девчонки, пусть будет не по-вашему и не по-нашему. Предлагаю назвать яхту - я сделал небольшую паузу - "Белосток"!

Название понравилось всем, и на следующий день в слесарном цеху местного судоремонтного заводика были зака-

заны две латунных надписи, которые мы с Винни собственноручно укрепили по обоим бортам нашей красотки!

- Кстати, - продолжил Полев - вот поправишься, пойдем на "Белостоке" до Одессы или дальше. А?

- Боюсь, Валь, осенние шторма начнутся - задумчиво ответил я.

- Ну тогда летом - легко согласился Винни. - А теперь, хозяин, показывай, где у тебя тут мангал или очаг? Мы баранки молодой привезли, уже замаринованной!

- Это ближе к вечеру, Валь. А пока пойдемте, я вам остров покажу.

Как всегда в тропиках, стемнело быстро. Мы сидели вокруг очага, Полев колдовал над мясом, девчонки разложили в простых глиняных мисках фрукты, которые собрали днем в рощице, крымские мясистые помидоры и маленькие огурчики. Я сидел, улыбался и смотрел на танцующие языки пламени. Лена обняла меня за плечи и тоже смотрела в огонь.

- Хорошо, Старый! - прошептала она. - Вот так бы сидеть и никуда не плыть и не ехать...

Я поцеловал её, она ответила.

- Пионеры, хорош лизаться! - рявкнул Валька, и мы все захохотали.

- Ну что, - Полев поднял стопку - за выздоравливающего! Ура! Эх, жалко Толя, что тебе выпить нельзя...

- Ничего, я потом наверстаю.

- А может... - Винни подмигнул.

Я помотал головой.

- И не уговаривай, друг мой, не хочу рисковать.

Я налил себе "пепси".

- За вас, мои дорогие и любимые!

- За нас! - добавила Наташа.

Хижину на ночь отдали дамам, запасливый Винни прихватил раскладушки, и мы с ним и Алёшей расположились под звездным небом на песке. Из-за туч вышла Луна и, улыбаясь, поплыла по небу.

В моих пальцах дымился "Житан", сигарета погасла, я чиркнул спичкой.

Потом пробормотал:

Что-то сигарета гаснет,

Что-то меня так тревожит.

Или вспоминает кто-то,

Или проклинает, может.

Винни подхватил:

А может, это ты, тоскуя,

Под окнами проходишь мимо,

И коробку спичек жгу я

На две сигареты «Прима».

Лёшик удивленно поднял брови.

- Это откуда, пап?

- Да так, старая песня вспомнилась.

- Слушайте, отцы, а что вы не поете в последнее время, а?

Я помню, как на Рождество в Белостоке вы Sieben Brucken

играли...

- А вы с Дашкой подпевали - усмехнулся Валентин.

- Ага - Лёшик улыбнулся. - А еще в "Бригантине" лабали, ну это было шоу!

Я притянул его у себе.

- Жизнь...

- Сложная штука! - продолжил Винни.

- Факт! Вот закончится вся эта херня, обязательно споем!

А ещё лучше, сделаем сольный концерт в "Бригантине"! И уйдем на покой. Лёш, ты по-прежнему не хочешь в контр-разведку?

- Не-а!

- Ну ладно. А в университете, на какой факультет собираешься поступать?

- Прикладная информатика.

- О, наш человек! - рассмеялся Винни.- Будешь компьютерные технологии в этой Параллели продвигать!

- Буду - серьезно ответил Лёшик.

Утром катер отчалил, увозя моих гостей. А еще через неделю Август объявил, что я полностью вылечился и могу покинуть остров. Но две недели пропить таблетки и опять-таки никакого спиртного.

- Прошу вас, Анатолий Михайлович, никому не говорить об этом месте. Алексей и Дарья обещали не перемещаться сюда. Мы используем остров только для себя, вы первый человек, который побывал здесь.

- Конечно, я понял.

- Ну и замечательно! Часа через три будем в Кингстоне, еще около трёх часов понадобится для настройки аппаратуры, чтобы переместить вас в Гурзуф. Или вы можете позвонить домой, и Алексей или Дарья перенесут вас в Крым.

- С вашего позволения, второй вариант.

- Я так и думал - улыбнулся Мастер Параллелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.